

БАГРОВЫЕ РЕКИ

КНИГА 2

Эрик Бельтман

Багровые реки

<https://litres.ru/74688983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город не спящих огней, безумного ритма и грандиозных амбиций. Он дышит в такт с миллионами шагов, вдохновляет художников, ломает слабых и возносит на вершину тех, кто готов принять его вызов. Это не просто географическая точка на карте, а симфония из бетона, стекла и человеческих мечтаний.

Багровые реки

Глава 1

Излишки информации

Город переварил статью к утреннему кофе. Никаких баррикад не случилось, никто не побежал переворачивать машины — для этого люди были слишком усталыми и загруженными собственными проблемами. Но воздух в вагонах метро и тесных залах офисов стал заметно гуще. В утренней подземке было непривычно тихо. Пассажиры, прижатые друг к другу плечами в час пик, не спали. В сером полумраке вагона тускло светились десятки экранов. Текст под заголовком «Багровые реки» читали без пламенного гнева в глазах. Его читали с той тяжелой, угрюмой миной, с какой изучают неожиданно большой счет за коммунальные услуги, мысленно подсчитывая убытки. Люди скроллили бесконечные таблицы с номерами подставных фирм, адреса закрытых загородных клубов, где решались судьбы районов, и фамилии чиновников, деливших городскую землю прямо за банкетными столами.

— Надо же, а мэр-то наш скромничал, всего три процента, оказывается, брал, — негромко, с ядовитым смешком протянул мужчина в поношенном костюме, едва заметно кивнув на экран соседа.

Сосед, дедушка лет семидесяти лишь криво усмехнулся,

не отрывая взгляда от смартфона, — Да там не в мёре дело. Посмотри, кто у них за спиной стоял. Весь строительный сектор под ними. Да это уже давно было понятно. Сынок я все это знаю, просто кто об этом будет говорить. Удивительно что сейчас подобное доходит до людей. А я думал помру так и не увижу справедливость.

— Да хорош батя, куда ты там помирать собираешься. Ещё всех этих негодяев переживешь. С поддерживающей улыбкой произнес по всей видимости его сын.

— Они еще цены как раз в прошлом месяце подняли на проезд. Видимо теперь понятно с чем это связано. В статье черным по белому это написано.

— Этот беспредел был потянет еще за долго до статьи.

— Батя!!! но сейчас люди выйдут и накажут этих негодяев.

— Кто выйдет? Будь реалистом. Все как жили так и будут жить, ничего не поменяется.

— Удивительно что это статью допустили до публикации... Представляешь как сейчас пылает редакция. И ищут виноватых. Кстати, интересный факт: как только статья вышла, её прочитало около ста тысяч жителей нашего города. Изначально они искали информацию о теракте в отделении полиции, а наткнулись, судя по всему, на вещь, гораздо более масштабную по своей значимости.

Дед лишь махнул рукой, ничего не говоря мужчине и продолжил смотреть в пустоту поезда метро.

На выходе со станции, на бетонной стене у газетного киоска, уже красовалось свежее граффити. Кто-то нанес трафарет: силуэт реки и размашистая надпись «Багровые реки». Баллончик, видимо, забился, и краска пошла комьями. Проходивший мимо дворник в оранжевом жилете мазнул по надписи скучающим взглядом, сплюнул под ноги и пошел дальше. Смывать это никто не торопился. Смывай, не смывай — все уже в телефонах.

В кофейне «Централь» на двадцать пятом этаже бизнес-центра пахло дорогими зернами и дорогим парфюмом, но привычной утренней суеты не было. За столиком у окна сидели двое мужчин в безупречных пиджаках. Их чашки с эспрессо давно остыли. Сама статья их не пугала — пугало то, кто именно её слил.

— Это удар изнутри, — тихо, почти не шевеля губами, произнес тот, что помоложе, нервно крутя на пальце массивную печатку. — Обычный журналист не получил бы выписки по кипрским траншам за прошлый четверг. Документы ушли из финансового контроля. В этой истории явно прослеживался чей-то холодный расчет. С одной стороны, всё выглядело так, будто у нас завелся предатель, который методично и скрытно копал под систему. С другой — слишком уж гладко всё прошло, что наводило на мысли о хорошо спланированной акции. Стоило вчитаться в текст, как в глаза бросалась одна деталь: в документе подозрительно часто мелькало имя Харитонова и упоминалось его ближайшее окруже-

ние. Я, конечно, всё понимаю: Харитонов ворочает миллиардами, под ним целый конгломерат и колоссальные связи. Но как человек такого масштаба умудрился проспать утечку подобного уровня? Его люди там что, коллективно уснули? Или они сами открыли эти двери?

— Тише ты, — осадил его старший партнер, бросив быстрый взгляд на бариста. — Никто нас не сдает. Верхушка просто оптимизирует активы. Тот, кто заказал этот текст, расчищает место под своего человека в транспортном комитете. Город делят заново, и если мы сейчас займем не ту сторону, нас переедут вместе со всеми нашими контрактами.

— Друг мой, спустись на землю. Если бы дело было только в одном транспортном секторе, мы бы сейчас вообще здесь не сидели, — он наконец сделал глоток остывшего эспresso. — Бери гораздо выше. Статья вскрыла весь город. Посмотри на списки: тут и пищевая промышленность, и строительные тендеры, и вся крупная розничная торговля. А энергетика? Это же наша главная дойная корова, с которой кормились три поколения чиновников.

Он замолчал, глядя в окно на серые высоты.

— Всё это дерьмо теперь лежит на виду, как товар на дешевой распродаже. Но самое паршивое даже не это. В этом городе всегда существовали невидимые границы. Теневой кодекс, который никто из сторон не имел права переступить. У каждого был свой кусок пирога, своя делянка, и все знали: нарушишь баланс — уничтожат. Это соглашение гарантиро-

вало нам мир. А сейчас? Сейчас эти границы стерли. Все старые правила полетели к черту. Логика простая: если они слили нашу энергетику, значит, неприкосновенных больше нет. Что это, если не прямой вызов? Они что, предлагают нам открытую войну на поражение?

— Так война уже началась, Новостроение — это объект Карамазова, — продолжил он, жестко выговаривая каждое слово. — Его личная вотчина, куда чужие не совались годами. И именно там на прошлой неделе произошел этот резонансный случай. Вся пресса до сих пор на говно исходит, пытаюсь замять детали.

— Этот полковник Сидоренко... — второй собеседник коротко, пренебрежительно усмехнулся, плавным движением поправляя узел дорогого шелкового галстука. — В спешке вообще ничего умнее не придумал, как свалить всю бойню на какого-то случайного мужика. Одиночка, мол, зашел и положил одиннадцать вооруженных до зубов сотрудников. Я просто не представляю, что у этих ментов в головах творится? Самим-то не смешно?

Его собеседник лишь хмуро качнул головой, глядя на экран смартфона.

— Самое интересное, что люди-то читают официальные сводки и тоже не дураки — прекрасно понимают, что один человек технически не способен повернуть подобный теракт без подготовки, прикрытия и тактического плана. Но нашим СМИ, видимо, плевать. Им абсолютно неинтересно, как

эта топорная ложь воспринимается обществом. Главное — выдать громкий, кричащий заголовок, собрать клики, а дальше хоть трава не расти. Правда, Сидоренко его глупость с рук не сошла. Полковника уже дернули в мэрию, лично к Сорокину. Говорят, он два часа докладывал на ковре всю свою безумную позицию по этому теракту, пока Сорокин на него орал так, что стены дрожали. Кто знает, как карта ляжет. Может, после такого цирка у кого-то на плечах и погоны полетят.

— Слушай... — он чуть подался вперед, понизив голос до едва различимого гула. — А шеф наш... он сейчас на стороне Молотова? А то я как-то мельком видел, как они обнимались и пили шампанское на одном из этих закрытых новогодних корпоративов. Выглядели как лучшие друзья.

Собеседник издал короткий, сухой смешок, даже не повернув головы.

— Брось. Какая сторона Молотова? То, что ты видел — обычная официальная сходка, обязательный элемент программы. В нашем кругу нужно время от времени пересекаться, улыбаться друг другу на камеру и чокаяться дорогим хрусталем. Только для того, чтобы создавать иллюзию мира и держать эту тонкую нить нашего доверительного соглашения. На самом деле шеф полностью Харитоновский. От макушки до подошв его туфель — он человек Харитонова.

Он замолчал, осматривая с высоты утренний город.

— Именно поэтому у нас сейчас земля под ногами горит,

— жестко продолжил он. — Раз в этой проклятой статье так много и детально расписали про самого Харитонову, удар неизбежно пойдет по цепочке вниз. Они запросто могут дотянуться до нашего шефа. А если упадет шеф, то волной накроет и нас с тобой — зацепит так, что мало не покажется. Так что в наших же интересах прямо с этой секунды стать параноиками. Будь максимально внимателен к любой мелочи. Твоя главная задача сейчас — поднять все бумаги. Всю бухгалтерию за последние два года нужно обелить так, насколько это вообще возможно. Перепиши отчеты, спрячь концы, сотри любые упоминания транспортных субсидий. Если к нам придут с обыском, у них в руках должны остаться только чистые листы.

— Не обыск, а «дружеский визит». Сидим ровно и ждем, пока пыль уляжется. Ты же знаешь у людей короткая память две-три недели и все всё забудут. Поэтому нужно тянуть следствие, если есть возможность.

Статья анонима не подняла бунт — она провела невидимую, но глубокую черту прямо посреди закрытых кабинетов, разделив тех, кто еще надеялся удержать власть, и тех, кто уже готовил ножи, чтобы срезать бывших союзников с пробега.

На экране огромного плазменного телевизора студия общественно-политического ток-шоу напоминала растревоженный улей. Телевещание шло в прямом эфире на «Первом Городском» канале и градус напряжения внутри кадра,

казалось, плавил объективы камер. В самом центре студии, под софитами, стоял Давыдов — кандидат от партии «Зеленые». В своем строгом темно-сером костюме он выглядел вызывающе спокойным на фоне всеобщего хаоса. Жестко рубя воздух ладонью, он прямо в камеру предложил запустить процедуру всеобщего импичмента действующего мэра Сорокина. Давыдов открыто заявил: всё, что было написано в анонимной статье «Багровые реки», не имеет ни капли лжи и является абсолютной, задокументированной правдой. Эти слова взорвали студию. Ведущий безуспешно пытался перекричать гостей, но эфир мгновенно превратился в горячие, яростные споры. Другая сторона конфликта — представители провластного блока «Объединение» — полностью сорвались на крик. Вместо того чтобы приводить реальные опровержения, факты или цифры, они старательно переходили на личности, брызгали слюной и наперебой называли Давыдова лжецом, предателем и провокатором. Шоу откровенно скатывалось в балаган, но именно эта грязная, эмоциональная перепалка держала у экранов рекордные рейтинги. Так, в атмосфере телевизионного судилища и криков, неумолимо тянулся вечер субботнего дня.

Анна и Илья сидели в полумраке гостиной, не отрывая взглядов от мерцающего экрана. В комнате пахло ароматным кофе. Они внимательно ловили каждое слово, каждое движение политиков в студии, понимая, что этот эфир по своему важен.

Когда пустили блок рекламы, Илья наконец откинулся на спинку дивана и глубоко вздохнул.

— Этот Давыдов — умный мужик, — негромко сказал Илья, прищурившись на погасший на секунду экран. — Он бьет точно под дых. Знает, что у «Объединения» нет разумных объяснений, чтобы оправдаться, поэтому сознательно вытащил их на эмоции перед тысячи зрителей. По сути, он только что легализовал эту статью для тех, кто сомневался.

Анна одобрительно кивнула головой, поддержав мужа. Она мало что понимала в этой политике — ей было бы гораздо приятнее посмотреть что-то более спокойное и умиротворяющее. Но муж настоял на том, что сегодняшний вечер необходимо посвятить именно этому. Анна тихо вздохнула, мягко поднялась с дивана и пошла в угол комнаты к Саше, решив уделить мальчугану хотя бы немного своего свободного времени. Сын полностью ушел в свой мир: он сидел на пушистом ковре и с предельным набором концентрации собирал новый сложный конструктор, аккуратно подгоняя деталь к детали. На появление мамы он почти не отреагировал, лишь раз поднял на неё круглые глаза и поинтересовался, остались ли еще те вкусные печенья, которые она давала ему утром.

Анна каждый раз покорно шла на кухню и приносила еще парочку. Ну как она могла отказать этому маленькому, постоянно растущему организму? Да и в его сосредоточенном сопении было столько детского очарования, что отказать бы-

ло просто невозможно. Поняв, что маленький Саша пока совершенно не нуждается в её опеке и полностью поглощен своей игрушечной стройкой, Анна со спокойной улыбкой вернулась на диван. Она снова устроилась рядом с мужем и продолжила следить за горячими, неутихающими ни на секунду спорами в телевизионной студии, где Давыдов как раз переходил к финалу своего разгромного выступления.

После затянувшегося рекламного блока трансляция возобновилась, и Давыдов сразу зашел с козырей. На этот раз он коснулся темы, которая заставила Илью вглядеться в экран еще внимательнее: ситуации вокруг нашего гигантского железнодорожного завода. Это предприятие долгие годы являлось ключевым логистическим хабом, связывающим транспортные артерии не только между городами страны, но и с путями соседних государств. Через него шли миллионные международные потоки.

Давыдов перешел на жесткие, подтвержденные цифры, и его голос в динамиках телевизора зазвучал набатом:

— По документам, которые утекли в сеть, копеечная оплата труда рабочих и вечно откладывается модернизация цехов — это лишь вершина айсберга! — отчеканил политик, в упор глядя в камеру. — Из бюджета годами выделялись колоссальные деньги под предлогом сохранения стратегического бизнеса и обновления инфраструктуры. И где они? Модернизация этого предприятия стала одним из ключевых коррупционных скандалов, описанных в «Багровых

реках». На словах и в красивых отчетах чиновники трещали о рекордных объемах транзита, ремонте сотен локомотивов и международном престиже. А что на деле? На деле за закрытыми высокими заборами производство просто встало. Завод превратился в призрак. А количество квалифицированных сотрудников, которых годами выживали нищенскими зарплатами, с каждым годом только уменьшалось. Деньги просто растворились в карманах верхушки!

В студии снова поднялся гул, но Давыдова уже было не остановить. Он нащупал самую болезненную точку городской экономики.

Протасевич, сидевший по другую сторону баррикад, выждал паузу и вновь яростно атаковал Давыдова, во всеуслышание объявив его лжецом. Подавшись вперед и едва не сбивая тяжелый студийный микрофон, он закричал, что кандидат от «Зеленых» просто распыляется в дешевых слухах. По мнению Протасевича, весь этот пламенный спич был не более чем популизмом, поскольку Давыдов не подтвердил фактами и документами ни одно из своих громких заявлений.

— Вы торгуете сплетнями из интернета! — Протасевич победно оглядел студию, ища поддержки у массовки. — Ни одного прямого доказательства, ни одного вещдока! Городской завод работает в штатном режиме, а вы пытаетесь заработать себе политические очки на откровенном вранье и панике!

Протасевич победно оперся ладонями о трибуну и обвел

студию тяжелым, уверенным взглядом. Он перешел на язык макроэкономики, который всегда действовал на обывателей отрезвляюще.

— В отличие от вас, Давыдов, я привык оперировать реальным сектором, а не интернет-сплетнями! — его голос гремел из динамиков телевизора. — На сегодняшний день в нашем городе стабильно работают все шесть градообразующих предприятий. Да, каждое из них платит налоги по-разному, в зависимости от сезона и конъюнктуры рынка, но сам факт остается неизменным: они существуют, они функционируют и никто не собирается их закрывать! А это значит что? Это значит — тысячи рабочих мест. Нашему населению есть где работать. У заводов есть долгосрочные контракты, закупаются новые технологии, идет развитие.

Он начал загибать пальцы, чеканя названия, от которых зависела жизнь каждого третьего жителя в зале:

— Вы уцепились за железнодорожный завод, но намеренно слепы к остальному! Помимо него у нас есть мощнейший портовый хаб, через который идут международные грузы. У нас есть строительный гигант, возводящий целые микрорайоны. Работает большой ликеро-водочный завод, приносящий колоссальные акцизы в бюджет. И, наконец, два главных достояния нашей страны, расположенные в большом промышленном секторе: лесопромышленный комплекс и наш металлургический гигант! И вы, Давыдов, наглым образом заявляете, что производство встало? Да на этих шести

столпах держится вся экономика региона, и ломать их ради ваших политических амбиций мы не позволим!

Илья скептически прищурился, глядя на экран. Доводы Протасевича насчет процветания промышленного сектора и особенно металлургического завода показались ему не просто преувеличенными, а откровенно приукрашенными ради красивой картинки.

В памяти тут же всплыл их недавний вечер с Артёмом. Они прогуливались как раз в тех краях, мимо бара «Север», который ютился на самой окраине промзоны. Илья слишком хорошо помнил эти унылые, потрескавшиеся от времени асфальтовые дороги и бесконечные заброшенные пустыри, заросшие бурьяном прямо у заводских стен. Да, металлургический гигант все еще подавал признаки жизни. Из гигантских труб валил тяжелый смог, а уставшие, осунувшиеся мужики после тяжелой смены традиционно заходили в «Север», чтобы опрокинуть по рюмке-другой и немного посидеть в полумраке перед возвращением домой. Но говорить о какой-то масштабной модернизации, закупке передовых технологий и процветании? Это было чистой воды преувеличением. Завод выжимал последние соки, медленно умирая на глазах у тех, кто на нем работал.

Но, несмотря на все внутренние сомнения Ильи и очевидную фальшь, телевизионная магия сделала свое дело. В зале прямого эфира слова депутата Протасевича встретили оглушительным успехом. Все присутствующие в студии зрители,

словно по команде, дружно поддержали спикера. Они разразились бурными, затяжными аплодисментами, долго хлопая в знак безоговорочной поддержки действующей власти. Телевизор победно шумел, транслируя отрепетированный триумф, пока реальный город за окном продолжал погружаться во тьму.

Ведущий как и подобает настоящему профессионалу своего дела, до последних секунд эфира оставался абсолютно нейтральным. Он искусно лавировал между гостями, не принимая ничью сторону, и технично завершил передачу на самой пиковой ноте. Широко улыбнувшись в объектив центральной камеры, он попрощался со зрителями и пообещал, что в следующую субботу в этой студии сойдутся еще два ключевых кандидата из ведущих партий мэрии нашего города, чтобы продолжить этот разбор полетов. Экран телевизора моргнул, запуская финальные титры под бодрую, но уже изрядно надоевшую за вечер музыку. Илья взял пульт, нажал на кнопку, и комната мгновенно погрузилась в звенящую, тяжелую тишину.

Он повернул голову к жене, на его губах заиграла слабая, невеселая усмешка.

— Ну как тебе такой спектакль? — негромко спросил он, внимательно вглядываясь в её лицо.

Анна устало вздохнула и поправила сползший с плеча домашний плед.

— Завтра моя мама с папой приедут, вот уж где начнется

настоящий спектакль, помяни моё слово. Мама ведь у меня актриса, и завтра она, по всей видимости, так и останется в образе после своего очередного спектакля. Из роли её обычно ещё дня два не выкурить.

Илья оторвал взгляд от экрана и с лёгкой опаской посмотрел на неё:

— И во сколько они планируют приехать?

— Вечером, сразу после работы, — ответила она, поправляя диванную подушку. — Заскочат к нам, посидят, поужинают. И, как обычно, с пристрастием станут расспрашивать, как мы тут вообще выживаем на наши скромные доходы.

Илья на секунду задумался, а затем его лицо расплылось в хитрой улыбке:

— Слушай... А может, мне на рыбалку завтра выбраться?

— Ага, сейчас! Разбежался! Даже не смей, Илья! — она сердито пригрозила ему пальцем, хотя в глазах промелькнула улыбка. — Только попробуй сбежать и оставить меня один на один с этой театральной трупой!

— Да ладно тебе, шучу я, — рассмеялся Илья, примирительно поднимая руки. — На самом деле план у меня другой. Надо просто встретить её с порога и сразу выдать бутылку хорошего виски. Они же там, в своём театре, поголовно не просыхают. Им же надо как-то эмоционально играть, нерв оголять, стресс снимать после сцены!

Она нахмурилась и недовольно качнула головой:

— Ну, знаешь, не обобщай, пожалуйста. Моя мама совер-

шенно не такая, она к алкоголю равнодушна.

— Да ладно, все они там творческие люди одинаковые, — лишь отмахнулся Илья, закрывая тему. Он поудобнее устроился на диване и кивнул на телевизор: — Ладно, проехали. Как тебе эта передача? Интересно хоть?

— Нет, Илья, это совсем не моё, — покачала она головой, мягко посмотрев на мужа. — Лучше бы мы фильм какой-нибудь хороший посмотрели, честное слово. А то ты весь вечер сидишь такой напряженный, так увлеченно в экран смотришь... Я теперь просто боюсь, что ты спать нормально не сможешь после всего этого.

Илья тепло улыбнулся, протянул руку и слегка сжал её ладонь, пытаясь развеять скопившееся в комнате напряжение. Ему не хотелось тащить политическую паранойю в их общую постель.

— Ну что ты, дорогая, — тихо ответил он, стараясь, чтобы его голос звучал максимально убедительно. — До этого точно не дойдет. Всё нормально, ложись.

Дверь кабинета распахнулись без стука. Александр Михайлович даже не поднял головы от документов. Его пальцы, держащие дорогую перьевую ручку, на секунду замерли, но тяжелый взгляд остался устремлен в бумаги. Входить в его рабочий кабинет вот так, нарушая все мыслимые правила субординации, могли только в экстренных случаях.

— Александр Михайлович, у нас серьезные проблемы, —

голос вошедшего слегка дрожал, несмотря на всю его многолетнюю выучку. Он тяжело дышал, словно бежал вверх по лестнице, а в руках сжимал тонкую кожаную папку, которая сейчас казалась ему тяжелее надгробной плиты.

Александр Михайлович медленно, с легким сухим щелчком закрыл колпачок ручки и отложил её в сторону. На его холеном, тронutom глубокими морщинами лице не дрогнул ни один мускул.

— Почему ты зашел без стука? — вопрос был задан негромко, почти ласково. Человек стоявший у порога тяжело дышал и испуганно смотрел на майора.

Это не было простым замечанием. В иерархии, которую Александр Михайлович выстраивал десятилетиями, стук в дверь обозначал границу между цивилизованным миром и хаосом. Если его люди переставали стучать в дверь, значит, они переставали его бояться. А этого он допустить не мог. Помощник, подойдя ближе, застыл на полпути у массивного стола из вишневого дерева, судорожно сглотнул. Цвет его лица из землисто-серого стремительно становился мертвенно-бледным. Он открыл рот, но несколько секунд не мог вытолкнуть из себя ни звука, напоминая выброшенную на берег рыбу.

— Извиняюсь, майор, — помощник сделал судорожный вдох, пытаясь унять дрожь в коленях, но его голос все равно предательски сорвался. — Александр Михайлович, у нас не просто проблемы. У нас катастрофа. Наши ребята только

что еще раз прочесали периметр в промзоне, углубились в заброшенный сектор и нашли...

Он резко осекся, словно у него не хватало воздуха, чтобы произнести следующее слово.

— Кого вы там нашли? Избавь меня от этих пауз и не заставляй на тебя кричать. Говори живей.

— Спецназ... — на одном выдохе выпалил помощник. — Наш спецназ, патрульных полицейских и следователя Рыкова. Они все были там.

Майор на секунду прикрыл глаза, и на его лице впервые за утро наступило некое подобие облегчения.

— Ну, хоть какие-то хорошие новости, — глухо буркнул он, потирая усталые веки. — Нашлись наконец-то. А то в городе и так бардак творится, пресса на ушах, а Рыков со своей группой связи не давал уже столько дней. Где они были?

— Простите, Александр Михайлович... Но это... это вообще не хорошие новости.

— В смысле? — Майор замер, так и не убрав руку от лица. В его интонациях проскользнули первые нотки настоящей, неподдельной тревоги. — Что значит «не хорошие»? Они ранены? В заложниках?

— Они все сгорели... — со страхом, едва слышно произнес помощник, и это страшное, тяжёлое на восприятие слово повисло в роскошном кабинете мертвым грузом. — Все до единого. Прямо там, в ангаре. Это было безжалостно. Тот кто это сделал не имеет никакой частички человечности.

Александр Михайлович просто сидел в своем огромном кожаном кресле и впервые в жизни абсолютно не знал, как на это реагировать. Его блестящий аналитический ум, который до этого просчитывал любые криминальные и политические комбинации в городе на десять ходов вперед, просто отключился. Подобный сюжет он никак не мог себе представить даже в самом жутком кошмаре. Умертвить целый отряд подготовленного спецназа вместе со следователем посреди подконтрольной промзоны — это было за гранью реальности. Это было вызовом, который ломал всю систему.

— Скажи, пожалуйста, что мне показалось, — голос майора вдруг стал удивительно тонким, лишенным прежней металлической властности. — Скажи, что я ослышался, и ты сейчас этого не говорил.

— Нет, товарищ майор, — помощник опустил голову, не в силах выносить этот взгляд. — Все так и есть. Они мертвы. Все до единого...

Ему не нужно было договаривать или приводить страшные анатомические подробности того, что их люди увидели на заброшенном пустыре. Александр Михайлович всё понял без слов. Пальцы майора судорожно разжались, и дорогая перьевая ручка со стуком выскочила из его рук, покотившись по лакированному дереву стола и оставляя на чистом бланке жирную чернильную кляксу. Он больше не смотрел на подчиненного. Майор медленно повернулся в кресле и уставился в огромное панорамное окно. Не говоря больше ни едино-

го слова, он просто смотрел в никуда, в серую предгрозовую пустоту за стеклом. Этот субботний вечер обещал стать для них наичернейшим. Правила игры не просто изменились — их больше не существовало.

Тишина в кабинете стала удушающей. Помощник испуганно переступил с ноги на ногу, глядя на застывшую фигуру своего начальника. Александр Михайлович не двигался. Казалось, он даже перестал дышать. Его обычно свежее, холеное лицо стремительно покрывалось мертвенной бледностью, а на лбу, прямо у корней седеющих волос, выступили крупные капли холодного пота. Взгляд майора, устремленный в окно, стал абсолютно стеклянным.

— Александр Михайлович... — помощник сделал осторожный шаг вперед, протягивая руку, словно собирался поймать падающего человека. — Александр Михайлович, с вами всё нормально? Может... может, вызвать скорую? Вы очень плохо выглядите.

— Вон отсюда! Пошел отсюда, тварь! — бешено взревел Александр Михайлович.

Слова словно сорвали невидимую чеку, и майор окончательно вышел из оцепенения. Лицо его исказилось от ярости, а в глазах вспыхнул опасный, безумный огонь. Не контролируя себя, он начал хватать со стола всё, что попадалось под руку, и с силой швырять в сторону испуганного подчиненного. Тяжелая пепельница из дымчатого хрусталя с грохотом врезалась в косяк двери, разлетевшись на осколки. Следом

полетел массивный органайзер, папки с отчетами и недопитая чашка с утренним кофе, которая оставила на стене уродливое грязное пятно. Помощник всё понял без лишних слов. Не дожидаясь, пока в его голову прилетит что-то более тяжелое, он пулей выскочил из кабинета, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Александр Михайлович остался один. Тяжелое, рваное дыхание майора эхом разносилось по опустевшему помещению. Он оперся ладонями о край стола, низко опустив голову, и сделал несколько глубоких, судорожных вдохов, заставляя легкие работать, а мозг — очиститься от слепой ярости. Паника была его главным врагом. Нужно было остыть. Полностью остыть.

Наконец, выпрямившись, майор принялся лихорадочно обдумывать дальнейшие действия. Ситуация была патовой. Докладывать обо всем полковнику Сидоренко сейчас? Нет, это было бы чистой воды самоубийством. Смерти подобно. Сидоренко и без того только что вернулся из мэрии, где Сорокин на ковре устроил ему показательную казнь за бездарную версию про террориста-одиночку и эту на шумевшую статью. Если полковник узнает, что в подконтрольной зоне вырезали целый отряд спецназа во главе со следователем Рыковым, он просто сойдет с ума. Сидоренко сдаст всех, подставит любого, лишь бы прикрыть свой зад, а майора сделает главным козлом отпущения. Помощи ждать было неоткуда. Система, которую они так долго выстраивали, трещала

по швам. Александр Михайлович подошёл к окну и посмотрел на расстилающийся внизу город. Ему нужно было срочно искать хотя бы какой-то выход из этого дерьма.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге квартиры возникла Ангелина — как всегда эффектная, благоухающая дорогим парфюмом, в элегантном пальто, которое она сбросила на руки мужу с чисто театральной грацией.

— Привет, мама! — Анна шагнула навстречу и крепко обняла её.

— Привет, дорогая, — Ангелина подставила щёку для поцелуя, одновременно оглядывая прихожую критическим взглядом истинного ревизора.

— Как у тебя прошёл спектакль? Был аншлаг? — с искренним любопытством спросила Аня.

Мать царственно повела плечом и устало, но с явным превосходством вздохнула:

— Ой, милая, надо было просто прийти и всё посмотреть своими глазами! Чего там рассказывать-то? Искусство нужно созерцать, а не пересказывать за ужином.

В этот момент в коридор, тяжело отдуваясь, вошёл отец, с пакетом из супермаркета. Лицо у него было понурым.

— Привет, папа! Рад тебя видеть, — Анна тут же переключилась на него и ласково расцеловала в обе щёки. Тот наверное впервые за весь день улыбнулся видя свою дочку.

В прихожую наконец вышел Илья. Он вежливо поприветствовал маму и сестру, а потом подошёл к отцу.

ветствовал свою тещу Ангелину, а затем подошёл к тестю и крепко, по-мужски пожал руку Владимиру. Сила у Ильи была недюжинная, так что бедный тесть аж сморщился от неожиданной боли, пытаясь сохранить лицо. Впрочем, обиды Сергей не затаил и, потирая побелевшие пальцы, шутили-во выдал комплимент мощной ладони зятя:

— Качаешься, что ли, зятёк? Ну и хватка! Крепкий богатырь достался моей дочке, ничего не скажешь.

— Ай, да брось ты! — небрежно бросила Ангелина, даже не повернув головы в сторону мужа. — Сам просто размяк за эти годы на своей диванной работе, вот тебе любая рука и кажется тисками.

Сергей лишь тихонько хмыкнул, привыкший к колкостям жены, и подмигнул Илье, безмолвно призывая того к мужской солидарности. Вечер, как и предсказывал Илья, обещал быть весёлым.

Центральным событием вечера стало мясо по-французски — блюдо, которое Анна запекала в духовке с особым, почти сакральным трепетом. В этом выборе крылась тихая попытка угодить материнскому вкусу, точнее — согреть старые воспоминания из детства. Тогда, в серых и душных девяностых, маленькая Аня преданно заглядывала маме в рот, когда они изредка выбирались в кафе с претензией на шик. Ангелина всегда заказывала это капающее жиром, запечённое под толстым слоем майонеза и дешёвого сыра мясо. Молодой актрисе провинциального театра искренне казалось, что

в этой сытной, пахнущей чесноком порции скрыта путеводная ниточка к настоящему парижскому шику — к той недосягаемой, залитой огнями Франции, которую она тогда не имела никакой возможности увидеть. Этот вкус заменял ей заграничные гастроли и компенсировал бедность театральных будней. Сейчас, спустя годы, мир перевернулся. Ангелина успела дважды побывать в настоящем Париже, пожить на Монмартре и попробовать аутентичный рататуй и утиное филе под брусничным соусом. Её гастрономический кругозор расширился, а старая любовь к советскому «мясу по-французски» превратилась в легкий повод для самоиронии. Анна прекрасно это знала. И всё же её версия блюда была далека от столовской классики с майонезной корочкой. Она решила переосмыслить мамину ностальгию, превратив её в нечто утонченное: вместо свинины взяла нежнейшую телячью вырезку, вместо майонеза приготовила бархатистый соус бешамель с едва уловимой ноткой мускатного ореха, а тяжёлый российский сыр заменила на ароматный пармезан. Это был её личный, кулинарный оммаж материнскому прошлому — попытка вернуть Ангелине вкус её ушедшей, амбициозной молодости, но уже в благородной современной огранке.

— Дочка, это просто потрясающе, — Владимир не скупился на похвалу, с видимым удовольствием смакуя каждый кусочек нежного мяса в сочетании с воздушным, идеально взбитым картофельным пюре.

За столом пили виски, который Владимир предусмотрительно принёс с собой. Накануне Илья оказался прав лишь частично, когда затеял разговор о пристрастии тёщи к алкоголю. Ангелина действительно пила, причём не пропуская ни единого тоста и делая это с истинно артистическим размахом. А вот тесть, напротив, лишь пригубливал из своего бокала, стараясь сохранять предельную трезвость. И это несмотря на то, что супруги заранее твёрдо решили возвращаться домой на такси. В целом вечер катился по привычным, накатанным рельсам. Мать Анны царила за столом, без умолку изливая монологи о своих недавних спектаклях, новой грандиозной роли и — что было её любимой темой — об абсолютном, катастрофическом отсутствии таланта у подрастающего поколения актёров.

— Они ведь пробиваются к режиссёру исключительно за счёт юности, наглости и смазливых лиц! — театрально вздыхала Ангелина, изящно взмахивая вилкой. — Прохвосты... Мой опыт, мой выстраданный годами талант стоит несоизмеримо выше всей этой дешевой мишуры.

Между делом она то и дело отпускала шпильки в адрес зятя и демонстративно обрывала Владимира, стоило тому попытаться вставить хотя бы слово. Всё как обычно. Илья молча сидел на своём краю стола, лишь изредка переводя тяжёлый взгляд с Анны на тёщу. Внутри него зрело глухое, липкое нежелание, чтобы его Аня с годами превратилась в точную копию своей матери. Стоило разок взглянуть в осу-

нувшееся, покорное лицо Владимира, чтобы понять: этот человек глубоко несчастлив в браке. Но они прожили вместе слишком долго — наступила та зловещая осень жизни, когда глупо что-то обрывать, сжигать мосты и пытаться начинать всё сначала. приходится просто терпеть. Маленький Санька, под подстрекательством бабушки, то и дело забирался на стул и пытался декламировать стихи, отчаянно жестикулируя и представляя себя на большой сцене. Было очевидно, что Ангелина уже всюю приложила свои холёные ручки к воспитанию внука, пытаясь вылепить из него продолжение своей династии.

В один из редких моментов, когда Ангелина отвлеклась на внука, Владимир повернулся к зятю. Голос его стал непривычно серьёзным:

— Илья, слушай... А ты правда в больнице лежал? Мне тут мой знакомый врач обмолвился, что у тебя были какие-то действительно серьёзные проблемы.

Илья на секунду замер, но быстро вернул лицу спокойное выражение:

— Да, Владимир Петрович. Что-то с сердцем прихватило, сам не понял. Но врачи молодцы, обследовали и быстро поставили на ноги.

— Какой кошмар, — Владимир покачал головой, искренне сопереживая. — Ты же совсем молодой парень. Да и хватка у тебя, я на пороге почувствовал, жёсткая, мужская. Настоящий богатырь.

Тесть и не подозревал, насколько был близок к истине. За то недолгое время, что Илья обрёл свои загадочные способности, его тело переживало скрытую, но стремительную метаморфозу. Без всяких изнурительных тренировок в тренажёрном зале Илья заметно подтянулся. На руках проступил сухой, литой рельеф мышц, а на животе обозначились слегка видимые кубики пресса. Организм перестраивался сам, словно повинуюсь чужой, могущественной воле, и эта новая физическая сила требовала выхода.

Когда часы пробили одиннадцать, такси наконец уехало, увозя Ангелину, всё ещё громко рассуждающую о падении нравов в современном искусстве, и тихого, окончательно притихшего Владимира. В квартире воцарилась оглушительная, почти осязаемая тишина.

Санька, утомлённый собственным поэтическим бенефисом и поздним времени, уже спал в детской, раскинув руки. Анна устало собирала со стола тарелки, на которых остались лишь сиротливые мазки от соуса бешамель.

— Насчёт мамы... Ты извини её, Илья, — негромко сказала она, не оборачиваясь. В её голосе сквозила та самая надрывная нотка, которую Илья так боялся услышать — предвестник того, что однажды эта молодая женщина может сломаться под грузом семейных сценариев. — Она бывает невыносимой. Но она не со зла. Просто... привыкла быть в центре внимания. Ей кажется, если она замолчит, её все забудут.

Илья подошёл сзади, мягко забрал недопитую бутылку ко-

ньяка и понес ее ставить на одну из полок кухонного шкафчика. Затем он подошел обратно к своей супруге.

— Всё нормально, Ань. Я привык, — обнял её со спины, прижав к себе.

Анна на секунду замерла, расслабляясь в его руках, но тут же как-то странно напряглась. Она развернулась в его объятиях и положила ладони ему на грудь. Через тонкую ткань домашней футболки чётко прощупывался твёрдый, словно литой рельеф. Её пальцы невольно скользнули ниже, очерчивая неожиданно плотные, развитые мышцы брюшного пресса.

— Илья... — Анна подняла на него удивлённый взгляд, в котором смешались недоумение и внезапное женское любопытство. — Отец на пороге говорил, что ты стал крепче, но я думала, он просто стареет. Ты что... тайно записался в зал? Откуда это? Ты же последние дни только и делал, что ходил на работу да валялся на диване.

Илья почувствовал, как сердце внутри сделало лишний, тяжёлый толчок. Метаморфозы, которые происходили с ним после визита в бар, теперь были заметны невооруженным глазом. Тело менялось слишком быстро, приобретая пугающую, хищную эффективность. Он становился сильнее, быстрее, а главное — внутри него теперь постоянно вибрировал едва уловимый гул, словно натянутая струна. Эта сила была чужеродной, но она уже пустила корни.

— Да так... Наверное, моя внутренняя энергия продолжа-

ет расти, — попытался отшутиться Илья, уводя взгляд в сторону. — Сам удивляюсь.

Анна замерла, ведомая внезапным, острым любопытством. Она протянула руку и провела ладонью по его груди. Ткань майки натянулась.

— Илья... — негромко, с бархатистым вызовом произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — Интересно, на что ты сейчас способен в постели с таким-то телом?

Эти слова Илья оценил как прямой вызов. Но Анна не дала ему времени на ответ. Не долго думая, поддавшись вспыхнувшему азарту, она резко ухватила за край его майки и задрала её вверх, полностью оголяя литой, сухой торс с еле заметными кубиками пресса. Ей отчаянно захотелось прямо сейчас проверить этого внезапно переродившегося «жеребца» на прочность. То, что последовало за этим в спальне, полностью стёрло все привычные границы их семейной жизни. Их ночной марафон длился долгих три часа. Скрытый потенциал Ильи раскрылся с пугающей, запредельной эффективностью. Его выносливость казалась абсолютной, не знающей утомления, а возросшая физическая сила требовала ювелирного контроля — каждое движение было властным и неодолимым. К концу этих игр она была настолько истощена, что, казалось, у неё не осталось сил даже на выдох. Однако на следующее утро всё изменилось.

Едва первые лучи солнца пробились сквозь занавески, Анна проснулась. Ночные три часа безжалостно выжали из

неё все силы, тело приятно поднывало от усталости, но женское любопытство и новые, ни с чем несравнимые ощущения взяли верх. Перевернувшись на бок, она обнаружила, что Илья уже не спит и лежит абсолютно свежий, выпавшийся, будто и не было ночной нагрузки.

Анна хитро прищурилась, подползла ближе и положила руку на его грудь. Посмотрев на него с лукавой, ненасытной улыбкой, она тихо прошептала:

— Знаешь что... Твои ночные суперспособности — это лучшее, что с нами случилось. Повтори это прямо сейчас.

Скаल्प сидел за массивным столом, низко наклонив голову. В тусклом, мертвенно-жёлтом свете одиночной лампы экран его мобильного телефона не переставая горел неоновым блеском. Он уже в сотый раз переводил свой взгляд со страшной фотографии на дисплее на короткое, хлёсткое текстовое послание под ней: *«Месть будет сладкой, старик. Это тебе за наших невинно убитых одиннадцать человек в отделении полиции. Ты следующий».*

И в самом конце, словно финальный росчерк смертного приговора, стояла лаконичная приписка: *«Привет от Фауста».* Скаल्प лихорадочно пытался вспомнить этого бандита. Кто, чёрт возьми, такой этот Фауст? Мужчина дотошно перебирал в памяти лица всех криминальных авторитетов, психопатов и наёмников, с которыми его сталкивала судь-

ба за последние тридцать лет, но в голове была звенящая пустота — никаких зацепок, ни единого завалящего слуха. Глухой кабинет без окон, похожий на бетонный склеп, казалось, становился всё меньше, сдавливая его со всех сторон и мешая дышать. Одной рукой Скаल्प продолжал судорожно переворачивать пожелтевшие страницы старого архивного журнала, лежавшего перед ним на столе. Пальцы быстро перелистывали личные дела членов организации надеясь отыскать среди сотен имён хоть какой-то смутный намёк на этого таинственного незнакомца. Но всё было безуспешно. Бумага шуршала в гробовой тишине, отвечая ему лишь молчанием мертвецов. Постепенно Скаल्प захлопнул журнал и откинулся на спинку кожаного кресла, уставившись на полку с дорогими статуэтками. Рассказывать кому-либо о случившемся — а уж тем более Артёму — он был категорически не намерен. Хватит уже этой безумной шумихи и паники вокруг него. Если пустить слух о новой угрозе, будет только хуже. Охотники посчитают что старик совсем потерял хватку и возможно захотят выбрать преемника. Конечно, зверски убитый Михаил был хорошим, верным человеком и отличным исполнителем. Но, если отбросить сантименты и посмотреть на вещи трезво, он оставался всего лишь одним из многих. В этой тайной войне потеря даже такого опытного бойца, хоть и была чертовски болезненной, но всё же не являлась критичной для организации. В конце концов, как уже было прекрасно известно в узких кругах, Скаल्प за

свою долгую жизнь воспитал не один десяток первоклассных охотников. А некоторых из них — тех, кто оступись, проявил слабость или посмел пойти против системы — он своими же собственными руками безжалостно и уничтожил. И если этот Фауст считает, что старик стал лёгкой мишенью, то он совершает свою самую главную и последнюю ошибку.

За стеной, в одной из небольших гостевых комнат, обустроенных прямо при баре, царила тишина. В этот момент Артём лежал на узкой кушетке, полностью погрузившись в прозу Джека Лондона. В его руках был затертый до дыр том «Мартина Идена». Он находился в самом эпицентре сюжета и, увлекшись текстом, невольно начал проводить горькие параллели со своей собственной жизнью. Пускай он сам не писал рукописей и не стремился к литературной славе, как трагический герой романа, но это гнетущее чувство одиночества, непонимания и борьбы с системой было ему знакомо как никому другому. Парень ушел в чтение с головой, проводя бесконечные, тягучие часы в этой душной, запертой комнате, спасаясь от реальности на печатных страницах. Однако эту суровую, хрупкую иллюзию покоя внезапно нарушили приглушенные шумы, донесшиеся из главного зала бара.

Артём не сразу начал вдаваться в детали происходящего за стеной. Сначала он попытался проигнорировать этот гул, сильнее вчитываясь в строчки романа. Но по мере того, как звуки становились все громче, яростнее и отчётливее, мужчина всё больше отвлекался от самой книги. Тяжелые шаги,

грохот движущихся стульев, резкие выкрики — этот шум никак не походил на обычные пьяные посиделки местных работников. Чуть позже он наконец отчетливо понял, что в зале находятся посторонние. А еще через секунду, когда сквозь тонкую перегородку долетел характерный металлический лязг снаряжения и резкий, не терпящий возражений приказ ложиться на пол, Артём похолодел. Он окончательно осознал: это была полиция.

Артём действовал на чистом адреналине. В абсолютной панике он постарался в спешке задействовать внутреннюю магию, бесшумно придержать дверь. Ему это удалось в самый последний момент: буквально через долю секунды с той стороны кто-то навалился всем телом и начал с силой, яростно дергать ручку. Железо жалобно заскрипело. Артём замер, затаив дыхание и вжавшись спиной в стену, стараясь не выдавать ни единого, даже самого малейшего признака своего присутствия здесь. Его сердце колотилось так сильно, что казалось, этот стук слышен снаружи.

Поняв, что дверь заперта, неизвестный за стеной отступил, но легче не стало. Затем из главного зала послышался какой-то более тяжелый, громкий звук, как будто что-то массивное с размаху сильно бросили в стену. Пространство содрогнулось. Следом раздался треск разлетающегося дерева — еще один глухой удар, и деревянный стул, судя по звуку, полетел прямо в перегородку, едва не пробив её насквозь. И так монотонно, жутко продолжалось какое-то время. Самое

странное заключалось в том, что человеческих голосов, ругани или приказов не было вообще. В баре царило гробовое молчание, прерываемое только одиночными глухими шумами, треском ломающейся мебели и сильными, ритмичными ударами. Словно за стеной методично орудовал немой, хладнокровный палач.

И снова в дверь постучались. На сей раз эти звуки были тихими, размеренными и удивительно спокойными. Они больше не несли в себе абсолютно никакой агрессии и тем более скрытой опасности, отчего напряжение в комнате сразу поползло вниз.

— Артём, выходи, — глухо приказал из-за двери мистер Скаल्प.

Услышав знакомый, хриплый голос хозяина заведения, Артём сразу же вышел из оцепенения. Страх отпустил его, и мужчина резко, одним движением рванул дверь на себя.

Картина, которая открылась перед ним в главном зале бара «Север», заставила его замереть на пороге. На полу, в самых неестественных позах среди обломков мебели, лежали четверо полицейских в бронежилетах. Судя по их тяжёлому, ровному дыханию и отсутствию крови, они были всего лишь слегка в отключке, аккуратно и профессионально нейтрализованы. Вокруг них валялись те самые перевернутые стулья, которые Артём слышал минутой ранее.

Прямо посреди этого разгрома, тяжело переводя дух, стоял Скаल्प, небрежно отряхивая рукава своей кожаной курт-

ки. А рядом с ним, сохраняя ледяное спокойствие, находился еще один человек. Это был следователь, приехавший на вызов вместе с этими четырьмя офицерами, что теперь бесславно отдыхали на дощатом полу. Он стоял абсолютно молча, боясь даже лишний раз пошевелиться. Его самоуверенность испарилась без следа. Затравленное переводя взгляд с Артёма на Скальпа, и по его бледному лицу было отчетливо видно: ему очень не хотелось составить компанию своим ребятам, которые сейчас мирно спали на полу. К тому же ему понадобилось всего несколько секунд что бы понять что перед ним стоит тот самый беглец которого ищет весь город.

Скальп же, не обращая на замершего следователя никакого внимания, не спеша прошёлся глазами по всем лежащим «отдыхающим». Он лениво подошёл к каждому, носком ботинка слегка повернул голову одного из патрульных, проверил пульс у другого. Ему нужно было лично убедиться, что их здоровью ничего серьезного не угрожает. Наконец, закончив этот неторопливый осмотр и убедившись, что офицеры просто крепко спят, Скальп медленно выпрямился. Повернулся к застывшему незнакомцу в штатском, засунул руки в карманы куртки и в упор поинтересовался, зачем они вообще решились зайти с оружием в это помещение. Голос Скальпа звучал тихо, но в этой тишине отчетливо слышался ласковый скрежет заточиваемого ножа. Он ждал очень убедительного ответа.

Следователь судорожно сглотнул, оглядываясь на своих

спящих подчиненных, и заговорил прерывистым, сиплым шепотом:

— Из городского управления пришло экстренное распоряжение — немедленно проверить этот бар и весь этот квадрат. Дело в том, что здесь неподалеку, на заброшенных пустырях промзоны нашли целую группу сотрудников правоохранительных органов. С ними со всеми на прошлой неделе пропала какая-либо связь...

— Ну так нашли и хорошо, — резко, как выстрел, перебил его Скаल्प, не дав следователю закончить фразу. Он сделал шаг вперед, нависая над ментом всем своим массивным телом. — Нашлись ваши потеряшки, рад за вас. Только мы-то здесь при чем? Чего вы от нас хотите в субботу вечером?

Следователь побледнел еще сильнее, его губы задрожали, а в глазах проступил неподдельный, первобытный ужас.

— Они все мертвы, — выдавил он из себя, едва шевеля губами. — Понимаете? Вся группа спецназа и следователь Рыков были полностью уничтожены террористами. Хладнокровно вырезаны посреди ангаров. Нам приказали задерживать всех подозрительных в этом районе.

Скаल्प опешил.

Его прагматичное, каменное лицо, не выражавшее до этого никаких эмоций, на секунду изменилось. Он словно наткнулся на невидимую стену. Списать драку с четырьмя копами на обычные криминальные разборки в баре — это одно. Но узнать, что прямо у него под носом, на его террито-

рии, кто-то пустил в расход целый вооруженный отряд спецназа — это было совершенно другим уровнем катастрофы.

Скаल्प больше не проронил ни слова. Он молча отошел от следователя, тяжело волоча ноги, словно в один миг постарел на десяток лет. Подойдя к столику, он просто присел на сохранившийся после погрома стул. Опустив локти на колени, он обхватил голову руками и замер. Вся его бывлая уверенность и криминальный авторитет словно испарились, уступив место глухому, парализующему шоку. Если бы не стоявший рядом Артём, напуганный следователь вполне мог бы воспользоваться такой внезапной уступчивостью и отрешенностью бармена. Мент мог спокойно развернуться и уйти, или, что еще хуже, выхватить табельное оружие и перестрелять их обоих прямо в упор.

Но Артём не поддался панике. Парень остался на месте — он молча, собранно следил за ними обоими, контролируя каждое движение этого незнакомого человека. Его твердый, предупреждающий взгляд служил лучшим барьером. Понимая, что любое резкое движение станет для него фатальным, следователь так и остался застигнутым врасплох. Он просто неподвижно стоял посреди разгромленного зала, едва заметно подрагивая от холода и страха в этом мрачном, пропахшем пережженным алкоголем помещении, и ждал, какой приговор вынесет ему эта звенящая тишина.

Наконец, когда Скаल्प немного пришел в себя, медленно убрал руки от лица. Шок уступил место глухой, контролиру-

емой ярости. Он тяжело поднялся со стула и вплотную подошёл к замерзшему следователю. Разница в росте и массе сейчас играла Скальпу на руку — он буквально вдавливал мента в пол одним своим присутствием.

— Как тебя звать? — суровым, лишенным каких-либо эмоций тоном спросил он, глядя незнакомцу прямо в расширенные от страха зрачки.

Мужчина судорожно дернул кадыком и попытался выпрямиться, хотя его плечи продолжали мелко дрожать.

— Николай... Пыш... — он хотел было договорить свою фамилию, надеясь, что служебный статус хоть как-то его защитит, но Скаल्प жестко перебил его на полуслове, положив тяжелую ладонь ему на плечо.

— Слушай меня внимательно, Николай, — голос Скальпа упал до глухого, вкрадчивого шепота. — Я сейчас очень злой. И мне прямо здесь и сейчас нужны четкие ответы на то, что произошло в тех чертовых ангарах промзоны. Ты, пожалуйста, только не будь мямлей, не пытайся юлить и не придумывай сказки. Отвечай всё по делу, как было на самом деле. Понял меня?

Николай от этого ледяного тона окончательно потерял дар речи. Он лишь затравленно взглянул на Скальпа снизу вверх, сглотнул подступивший к горлу ком и испуганно покачал головой в знак согласия.

— Их всех держали связанными прямо внутри машин... — следователь зажмурился, словно пытался прогнать стоя-

щую перед глазами страшную картину. — А потом эти твари устроили тотальный поджог всех четырех транспортов. Машины вспыхнули как факелы, они сгорели дотла вместе со всеми присутствующими в них людьми. Несчастные оказались заперты в огненных ловушках без единого шанса на спасение. Тот, кто совершил подобное — самый настоящий, хладнокровный изверг. Мы все привыкли думать, что такие зверства и массовые казни могут случиться где-то на диком Востоке, в зонах боевых действий... но только не здесь, не на нашей спокойной, сытой земле. А нашли мы их чисто случайно. Посреди ночи в глухой, заброшенной промзоне полыхнул мощнейший очаг возгорания. Приехавшие на вызов пожарные расчеты и оперативные службы начали тушить этот ад и только по номерам уцелевших шасси и личным вещам догадались, что это были те самые ранее пропавшие люди, которых мы безуспешно искали несколько суток...

Скальп слушал этот страшный отчет неподвижно, но его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. Медленно, подавшись вперед, он навис над задрожавшим Николаем.

— Кто у вас старший по званию в управлении? — процедил он сквозь зубы, и от этого тона в разгромленном баре стало физически холодно. — Мне нужно, чтобы он немедленно приехал сюда. Прямо в этот зал. С конвоем или без — мне плевать. Чтобы он, был здесь сию же минуту!

— Я... я не могу! — Николай испуганно отшатнулся, упи-

раясь спиной в барную стойку.

— Что ты не можешь?! — взревел Скаल्प, хватая следователя за грудки и рывком притягивая к себе. — Ты хочешь прямо сейчас составить компанию своим ребятам, которые на полу вповалку уже видят приятные сны? Ты этого хочешь?!

Николай лишь судорожно глотнул ртом воздух, чувствуя, как под воротником рубашки леденеет кожа. Понимая, что этот человек шутить не станет, он трясущимися пальцами начал доставать из кармана куртки мобильный телефон.

— Вам... Кого вызывать? Майора или Полковника? — испуганно переспросил он, лихорадочно листая список контактов.

— Полковника сюда. Немедленно! — оскалившись, отрезал Скаल्प и с силой толкнул мента обратно.

В тишине разгромленного зала бара «Север» громко щелкнула кнопка вызова. Николай судорожно прижал мобильный телефон к уху, а Скаल्प и Артём стояли рядом, ловя каждое движение следователя. Потянулись долгие, мучительные гудки, которые, казалось, отсчитывали последние секунды шаткого мира в этом городе. Наконец на том конце провода подняли трубку. Из динамика донесся усталый, раздраженный и хриплый голос:

— Да, слушаю. Быстрее.

— Извините, что отвлекаю в такое время, полковник Сидоренко, — Николай заговорил быстро, глотая окончания

слов от подступающей к горлу паники. — Это вас беспокоит старший сыщик Николай Пышков. Тут... понимаете, какое дело. Один мужчина очень хочет вас видеть сию же минуту. Прямо сейчас. У него есть крайне весомые, просто железобетонные причины с вами встретиться. Это касается...

— Какой, к чёрту, мужчина?! Кто хочет встретиться? — рывкнул Сидоренко так, что мембрана телефона жалобно затрещала. Было слышно, как на том конце линии полковник швырнул на стол какую-то стопку бумаг. У меня завалов здесь выше крыши. Что у тебя случилось? Конкретнее говори!

Старший сыщик замер. Он долго не мог подобрать правильные слова для того, чтобы внятно и безопасно объяснить причину такого безумного звонка. Николай начал испуганно мычать, лоя ртом воздух. Видя, что он окончательно сломался, Скаल्प брезгливо поморщился и одним резким движением отобрал мобильный телефон из его дрожащих пальцев. Он поднес аппарат к своим губам и заговорил — спокойно, весомо, не оставляя пространства для возражений:

— Слушай полковник, — Скаल्प выделил каждое слово ледяным акцентом. — Тебе нужно приехать сюда. Срочно. Мне необходимо поговорить с тобой с глазу на глаз. Поверь, это очень важно как для твоего личного выживания, так и для меня. Запоминай адрес: бар «Север», на окраине промзоны у металлургического. Жду твоего приезда в течение пары часов. Это чертовски важно.

— Скажи конкретно, что случилось? — в его голосе проступила глухая, с трудом подавляемая паника. Он слишком хорошо понимал, что на фоне общего хаоса любой незапланированный ночной звонок не сулит ничего хорошего.

— Не по телефону, полковник, — жестко отрезал Скальп, бросив короткий многозначительный взгляд на замершего в углу Артёма. — Здесь есть лишние уши, и ни мне, ни тебе этот геморрой сейчас точно не нужен. Но для того чтобы тебе было немного понятнее, о чем пойдет речь... Это касается той самой пропавшей группы спецназа и следователя Рыкова.

На том конце провода повисла тяжелая, звенящая пауза. Было слышно, как Сидоренко судорожно, со свистом глотнул воздух, прежде чем выдать хриплый, срывающийся вопрос:

— Ты... Ты знаешь, где они?!

Скальп внутренне опешил. На долю секунды на его лице проступило глубокое удивление, которое он, впрочем, тут же подавил. В его понимании полковник уже обязан был знать обо всем случившемся — ведь это его люди, его ведомство, и багровое зарево от четырех сгоревших дотла автомобилей в промзоне сложно было не заметить. Если Сидоренко до сих пор в неведении, значит, система управления в городе разрушена окончательно, а подчиненные просто боятся докладывать шефу такие страшные новости. Быстро вернув себе маску ледяного хладнокровия и никак не выдав своего изумле-

ния, Скаल्प лишь коротко, весомо проговорил в микрофон:
— Да. Я знаю, где они, и знаю, что с ними произошло.
Приезжайте сюда.

Полковник Сидоренко, привыкший к тому, что только он один дает указания, казнит и милует, долго сомневался. На том конце провода было слышно его тяжелое, злое дыхание. Мысль о том, что какой-то криминальный бандит из промзоны ставит ему условия, жгла его эго изнутри. Но страх упустить зацепку по поиску спецназу перевесил гордость. Сидоренко всё же принял вызов и решил сам лично, в сопровождении своего верного конвоя, отправиться на назначенное место. Но напоследок полковник решил вернуть себе инициативу, процедив в трубку с явной угрозой:

— Я приеду. Но под одним предлогом. Если твои новости окажутся посредственными или ты решил просто поиграть со мной в прятки, мой конвой упакует тебя прямо там. Мы заберем тебя как главного соучастника всех преступлений, и из тюремных камер ты уже не вылезешь. Ты меня понял?

Скаल्प на эти слова лишь холодно, едва заметно усмехнулся. В его голосе не дрогнула ни одна нота, когда он спокойно выдохнул в микрофон:

— Договорились, полковник. Жду.

Нажав кнопку отбоя, Скаल्प отдал телефон Николаю. Он прекрасно понимал, что Сидоренко его и пальцем не тронет. Как только полковник переступит порог этого бара и узнает, что его элитный отряд сгорел заживо, вся его спесь испарит-

ся.

Ждать его долго не пришлось. Вечернюю тишину пустых разорвал нарастающий, тяжелый рев мощных двигателей, а сквозь грязные окна бара «Север» ворвался резкий, слепящий свет десятков автомобильных фар. Конвой полковника, состоящий из пяти массивных черных машин, прибыл на назначенное место с пугающей оперативностью. Они не заставили долго ждать ни бармена, ни застывшего в углу Артёма.

Артём за всё это время практически не подавал знаков своего присутствия. В нем происходили глубокие, незаметные для окружающих изменения. От прочтения тех нескольких книг, что он успел одолеть в своей добровольной камере, парень стал относиться к жизни гораздо серьезнее. Он научился контролировать эмоции и теперь более внимательно, даже придирчиво относился к каждому своему сказанному слову, стараясь говорить только строго по делу, без лишней юношеской шелухи. Но замечая шумы и яркий свет на улице ему вновь стало не по себе. Ведь он находится по-прежнему в розыске. Сейчас же, видя непривычно волнительное, напряженное лицо мистера Скальпа, Артём сознательно не стремился лишний раз лезть к нему и задевать криминального авторитета своими какими-либо догадками или неуместными расспросами. В этом просто не было необходимости. Парень прекрасно видел: хозяин бара хоть и сильно переживал, кожей чувствуя свою вину за то, что упустил контроль

над собственной территорией, но ломаться не собирался. По жесткому, сосредоточенному взгляду Скальпа было отчетливо видно: этот человек имеет четкий, просчитанный план действий, а не просто покорно готовится сесть за решетку надолго, а может быть — и навсегда.

В двери бара один за другим вошли несколько человек. Это был личный конвой полковника — бойцы, полностью экипированные в новейший тяжелый армор. В своих массивных бронежилетах, глухих шлемах и с тактическим оружием в руках они выглядели невероятно устрашающе для любого рядового гражданина. Но Скаल्प за свою бурную жизнь повидал и не такое. На его лице не дрогнул ни один мускул. Чтобы не провоцировать спецназ на стрельбу, он спокойно опустил колени на грязный, усыпанный осколками пол, завел руки за голову и, всем своим видом показывая, что полностью безоружен, принялся молча ожидать прихода главного гостя. Старший из вошедших бойцов резким взмахом ствола приказал Артёму встать в ту же позу. Парень беспрекословно подчинился, опустившись рядом с хозяином бара. Один лишь следователь Николай Пышков остался стоять на ногах — он замер посреди зала и в полном непонимании оглядывал этих двух самоубийц, которые добровольно сдались на милость ликвидационной команды главка.

Наконец в дверном проеме показался сам Сидоренко. Полковник тяжело дышал, его лицо после утреннего визита в мэрию было серым от накопившийся усталости. Он бегло

оглядел разгромленный зал и сразу же коротким жестом руки приказал парочке своих оперативников проверить состояние людей, лежащих в отключке на полу.

Скальп, не меняя позы, успел громко предупредить:

— Не суетитесь, полковник. Они всего лишь спят. Нам необходимо было поступить именно так, они первыми пошли на жесткий контакт. Пришлось их немного усыпить.

Сидоренко внимательно посмотрел на стоящего перед ним на коленях бармена, затем перевел взгляд на своих спящих бойцов, у которых оперативники как раз проверяли пульс. В глазах полковника проскользнуло искреннее удивление способностями хозяина этой потрепанной забегаловки. Уложить четверых штурмовиков в одиночку и без единого выстрела — это было за гранью возможностей обычного гражданского.

— У тебя отличные боевые навыки, раз ты смог так технично усмирить этих ребят, — Сидоренко сделал шаг вперед, нависая над Скальпом. — Кто ты такой?

Скальп продолжал как ни в чем не бывало стоять на коленях, сохраняя ледяное спокойствие:

— Я всего лишь хозяин этого заведения, полковник. И мне жизненно необходимо серьезно с вами поговорить. Без лишних свидетелей.

Сидоренко на секунду нахмурился и перевел тяжелый взгляд на Николая:

— Он? Это этот человек говорил со мной по твоему те-

лефону?

— Да... — коротко, едва слышно ответил следователь, продолжая пребывать в состоянии глубокого испуга и стараясь не смотреть полковнику в глаза.

— Ну хорошо. Так о чем ты хотел поговорить? — Сидоренко скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что его время строго ограничено.

И в этот момент Скаल्प, как ни в чем не бывало, уверенным и плавным движением поднялся с колен на ноги. Бойцы конвоя мгновенно вскинули автоматы, в зале синхронно и зловеще щелкнули десятки затворов, но полковник резким взмахом ладони приказал своим людям опустить оружие. Скаल्प сделал шаг вперед и спокойно протянул Сидоренко правую руку. Этот неожиданный жест означал высшую степень дипломатии — знак того, что человек готов к полному доверию и сознательно идет на сближение, предлагая союз перед лицом общей, куда большей угрозы.

— Давайте пройдем в мою подсобку, — негромко, но предельно отчетливо предложил Скаल्प, кивнув в сторону неприметного коридора двери за барной стойкой. — Там, без лишних ушей, я объясню вам всё то тяжелое, катастрофическое положение, с которым мы все столкнулись.

Сидоренко криво усмирился, но с места не сдвинулся. Он демонстративно засунул большие пальцы за ремень портупеи.

— Нам и здесь нормально, — холодно процедил полков-

ник, обводя взглядом разрушенный интерьер. — Да и знаешь, бармен... здесь, под прицелом моих ребят, мне как-то надежнее и безопаснее. Говори прямо тут.

Скальп вздохнул — спокойно, без капли раздражения.

— Хорошо. Только тогда пускай все ваши люди выйдут наружу. Пусть в этом зале останемся только я и вы. А чуть позже, когда вы выслушаете меня, я объясню причины такого действия. То, что я собираюсь вам сказать — это государственная тайна. Она слишком ценна, полковник, и эта информация ни в коем случае не должна гулять от ушей к ушам ваших оперативников. Поверьте, это ради их же блага.

Сидоренко замер. Он медленно осматривал полумрачные помещения заведения, пытаясь в своей голове, словно сложную мозаику, сложить всю важность и внезапность такой информации. Перед ним стоял хозяин обычного провинциального кабака, который, несмотря на наставленные стволы, умудрялся железной рукой держать идеальный порядок в этом захолустном месте. Это несоответствие пугало полковника.

— Я даже не знаю, что тебе ответить на такую наглость, — Сидоренко сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. — Понимаешь, в нашей ситуации условия здесь должен ставить я, а не ты. Ты хоть это немножко понимаешь? — он выразительным жестом руки указал на группу стоявших позади него бойцов, до зубов вооруженных новейшим армором.

Скальп посмотрел прямо в уставшие глаза Сидоренко. Его

взгляд был абсолютно спокойным и твердым.

— Я всё прекрасно понимаю, полковник. Но то, что я предлагаю — это не прихоть, это жестокая необходимость. Поверьте мне на слово: как только я произнесу первые предложения, ваше восприятие реальности мгновенно поменяется. И вы ко мне, и к этому, на первый взгляд, мрачному и забытому богом месту, полностью поменяете свое отношение. У нас просто нет времени на гордость.

Сидоренко медленно перевел тяжелый, испытывающий взгляд на замершего Николая.

— Следовательно, — процедил полковник, сузив глаза. — Скажи мне, стоит вообще верить этому человеку? Или он просто тянет резину?

Николай немного помялся, переступая с ноги на ногу, и судорожно сглотнул. Он чувствовал, как под воротником рубашки леденеет кожа от лжи, которую он сейчас вынужден был произнести.

— Да, полковник... определенно, — выдавил он из себя, стараясь, чтобы голос не слишком дрожал. — Я уверен, что он скажет вам много интересного. Вам стоит его выслушать.

Договорив, Пышков растерянно опустил голову и начал тупо смотреть в пол, не в силах выдерживать прямой взгляд начальника. Сидоренко недовольно хмыкнул, заметив эту перемену в поведении своего сыщика.

— Какой-то ты забитый стал, Николай. Прямо лица на тебе нет, — полковник устало махнул рукой и снова повернул-

ся к Скальпу. — Ладно, черт с тобой. Пойдем куда ты там предлагал, раз уж здесь такая секретность. Но учти: если это пустой треп, вы отсюда не выйдете без ареста.

— Отлично, — Скаल्प кивнул. Он бросил быстрый взгляд на застывшего рядом напарника. — Полковник, пойдемте мы вдвоем, мой напарник и Николай. Он частично в курсе этих дел, его присутствие необходимо.

Тот при этих словах внутренне содрогнулся. В этот миг он почувствовал себя так, словно у него в горле застрял огромный, острый камень. Ему до безумия не хотелось идти на прямой контакт с полковником, находиться с этим высокопоставленным человеком в одной тесной комнате и дышать одним воздухом. В голове лихорадочно крутилась только одна мысль: он сейчас занимаются укрывательством массового убийства. Тот факт, что в промзоне сгорел целый отряд спецназа, и полковник об этом еще не знает, в структурах расценят однозначно. Это чистое, несмываемое предательство. И если Сидоренко узнает, что он молчал, его могут ликвидировать прямо в этой подсобке без суда и следствия.

Но отступать было поздно. Конвой за их спинами ждал команды, а четверка мужчин молча двинулась вглубь темного коридора. Скаल्प, шедший первым, привычным движением руки, с удивительной легкостью открыл массивную дверь, ведущую в его скрытый от посторонних глаз кабинет. Артём уже бывал здесь однажды, но сейчас, поддавшись общему напряжению, он вновь принялся испуганно осматривать слов-

но видел его в первый раз. В следующее мгновение с мягким щелчком автоматически включились несколько скрытых источников теплого света по всему периметру роскошных, уютных в дорогом дереве и коже апартаментов. Полковник со следователем от этого резкого контраста просто опешили. Они ожидали увидеть захлавленную каморку бармена, а попали в апартаменты достойные теневого короля этого города. За их спинами со щелчком закрылась тяжелая дверь, отрезав последние шумы внешнего мира. Но вошедшие этого даже не заметили, их привлекал весь интерьер этого помещения.

Теперь правила диктовал хозяин. Скальп неторопливо прошел через комнату и сел на свое законное место за массивным столом из полированного дуба. Плавным движением он достал из нижнего ящика два тяжелых хрустальных бокала и запечатанную бутылку дорогого односолодового виски, безмолвно предлагая полковнику присесть в кресло напротив. Сидоренко послушно подходил к столу, но его взгляд блуждал по стенам. Полковник никак не мог зацепиться за что-то одно в безупречном интерьере этого кабинета — здесь было слишком много индикаторов огромных, нелегальных денег. Но больше всего его внимание, конечно, привлекла подлинная золотая арфа, одиноко стоявшая в дальнем углу комнаты под точечным лучом софита. Этот сюрреалистичный для промзоны инструмент наконец стал той визуальной опорой, на которой Сидоренко смог сконцентрироваться, чтобы окончательно не потерять лицо. Следо-

ватель, как и его начальник, послушно опустил на свое тяжелое, обволакивающее кожаное кресло. В этот момент оба словно напуганные школьники, покорно замерли в ожидании дальнейших действий своего сурового учителя. Скальп содрал акцизную марку с бутылки, и по кабинету поплыл терпкий аромат дубовой бочки.

— Вы будете? — негромко поинтересовался Скальп, посмотрев на Николая и приподняв бутылку.

Старший сыщик лишь судорожно сглотнул и неуверенным, дерганным жестом рук поспешно отказался, даже не поднимая глаз.

— Он на работе, ему не положено, — сухо и резко произнес полковник, пытаясь вернуть своему голосу прежний командирский металл, хотя вышло это довольно жалко.

Николай тут же послушно начал кивать головой, всем своим видом соглашаясь с каждым словом начальника. Было полное ощущение, что от пережитого за этот вечер ужаса следователь окончательно разучился говорить, превратившись в безмолвную тень. Скальп плеснул янтарную жидкость в бокалы.

— Я бы хотел начать, если вы, конечно, не против, — нарушил тишину голос, эхом пронесшийся по мрачному кабинету.

Присутствующие лишь молча переглянулись и едва заметно кивнули головами, выражая угрюмое согласие.

— Сегодня утром до меня дошла крайне паршивая и от-

вратительная новость, — Скальп облокотился на массивный дубовый стол, пристально глядя на собеседников. — Здесь неподалеку, в заброшенной части промзоны, обнаружил сгоревшие дотла машины. Металл превратился в труху, но эксперты уже успели провести первичный осмотр. Внутри салонов нашли обгоревшие останки. Судя по всему, это те самые люди, которые так внезапно пропали из виду на прошлой неделе.

Полковник Сидаренко, сидевший до этого неподвижно, резко выпрямился. Его лицо исказила гримаса злости, а кулак тяжело опустился на подлокотник кресла.

— Ты врешь! В лоб выдаешь какую-то чушь! — утвердительно и жестко произнес Сидоренко, буравя Скальпа ледяным взглядом. — По моим каналам не поступало абсолютно никакой информации по поводу этих пропавших. Сводки чисты. Если бы что-то нашли, я бы узнал первым!

— У меня, товарищ полковник, есть свои связи, — на губах говорящего мелькнула едва заметная, дерзкая усмешка. — И этот человек, в отличие от вашей официальной бюрократической машины, работает оперативно. Он-то мне как раз всё в деталях и рассказали.

Сидоренко на секунду лишился дара речи. На его лице отразилось искреннее, глубокое удивление, смешанное с нарастающим раздражением. Он привык полностью контролировать ситуацию в своем секторе, и подобный пробел в информации сильно бил по его авторитету.

— Откуда... Откуда конкретно ты об этом узнал? — уже тише, но с явным нажимом спросил полковник, подаваясь вперед. — Каким образом гражданские или оперативники со стороны раскопали это раньше ведомства? Даже я, со всеми своими полномочиями, до этой минуты ничего не знал!

— А вы спросите вон у того человечка, что сидит рядышком, вжавшись в стул, — Скальп небрежно кивнул головой в сторону. — Он прекрасно всё знал с самого начала. И, судя по его испуганному виду, сейчас он как раз морально созрел и готов во всех подробностях рассказать, кто еще был в курсе этой чертовщины.

Тяжелый, давящий взгляд полковника медленно перевелся на Николая. Тот сидел ни жив ни мертв, бледный как полотно, и пытался буквально слиться со стеной, лишь бы отвести от себя беду.

— Говори! Быстро! — рывкнул Сидаренко, теряя остатки терпения.

Николай судорожно сглотнул, его голос задрожал, ломаясь от волнения, но отступать было уже некуда.

— Мне... Мне приказали, товарищ полковник! Я человек подневольный! — затараторил он, испуганно жестикулируя руками. — Александр Михайлович лично дал четкие указания прочесать весь периметр поблизости от промзоны в поисках хоть каких-нибудь зацепок и улик. Вы же сами знаете, здесь и так место проклятое, беспокойное. Совсем недавно тут молодого парня жестоко убили, шумиха поднялась нешу-

точная. Вот я со своей группой и отправился напрямик сюда, чтобы собрать хоть какую-то первичную информацию, опросить свидетелей, осмотреться... Но на месте нас, мягко говоря, встретили совсем не гостеприимно. Ситуация вышла из-под контроля, поэтому мне и пришлось экстренно звонить вам. Этот человек настаивал на звонок, именно к вам.

Полковник нахмурился, переваривая услышанное. Логика в словах Николая была, но общая картина все еще не складывалась. Сидоренко медленно перевел свой тяжелый взгляд дальше по кабинету и остановил его на Скальпе, который сидел с самым невозмутимым видом, будто происходящее его вообще не касалось.

— А ты? — процедил полковник, сузив глаза. — Ты никак не причастен к этому дерьму с машинами и трупами? Отвечай мне честно, без своих фокусов!

Скальп вальяжно откинулся на спинку стула и слегка приподнял брови, демонстрируя полное хладнокровие.

— Ну, скажем так... Частично, полковник, исключительно косвенно.

— Я их встретил так же жестко, как и тех четверых ребят, что сейчас тщетно стараются проснуться на холодном полу в главном зале, — Скальп хищно прищурился, и в его голосе промелькнули опасные, стальные нотки. — Они заявили ко мне без какой-либо внятной причины. Нагло завалились в бар, тыча мне в лицо каким-то засаленным листочком — якобы ордером на обыск. Ну, я и взял в заложники всю груп-

пу, до единого человека. Только я, признаться, совсем не думал, что все зайдет настолько далеко.

Скаल्प сделал паузу, барабанив пальцами по подлокотнику, словно заново прокручивая в голове те минуты.

— Это должна была быть всего лишь показательная порка. Чистой воды урок хороших манер. В моем представлении всё выглядело гладко: они пугаются, осознают свои ошибки, и после короткой профилактической беседы возвращаются целыми и невредимыми домой, к своим семьям. Но я не учел одного маленького, но фатального нюанса. Тот человек, с которым я плотно контактировал в ваших ведомственных органах, попросту меня кинет. Нагло развел на огромные деньги, нарушив все договоренности.

Бармен тяжело вздохнул, и его маска безразличия на миг спала, обнажая усталость.

— Теперь, если судить еще и по совести, мне необходимо во всем сознаться. Игра зашла слишком далеко. И если уж признаваться, то только лично вам, товарищ полковник. Другие ваши коллеги не стали бы меня даже слушать — сразу схватились бы за стволы и в итоге отправились бы отдыхать на тот же холодный пол, к моим прошлым гостям. Так что выбор за вами. Вы все еще хотите слушать то, что я готов вам рассказать, или уже созрели для того, чтобы меня задержать?

— Продолжай, бармен, — глухим, но предельно серьезным голосом ответил Сидоренко. Он даже не шелохнулся,

превратившись в слух. Полковник понимал, что сейчас на кону стоит нечто большее, чем просто арест строптивного владельца заведения.

— Вижу, что правильный, понимающий человек сидит во главе, — без какого-либо намека на подхалимство, совершенно спокойно произнес Скальп, оценивающе глядя на офицера. — Человек, который подставил — это Максим Власов. Он капитан одного из ключевых отделов нашего города. Именно он вел со мной двойную игру.

Сидоренко нахмурился, в его глазах промелькнула искра узнавания.

— Да, знаю такого. Наслышан о его «подвигах», — полковник резко повернулся в сторону. — Николай! Быстро пробей по базе всю информацию. Где сейчас находится этот Власов? На смене, дома, в бегах?

Николай, до этого сидевший тише травы, судорожно задергал руками, доставая смартфон. Он несколько раз ткнул пальцем в экран, но тот лишь упрямо выдавал серый значок отсутствия сигнала.

— Не получится, товарищ полковник... Здесь ничего не получится, — виновато пробормотал Николай, демонстрируя гаджет. — Тут напрочь отсутствует сеть. Глухо, как в танке. Никакой связи с внешним миром.

Полковник Сидоренко на секунду замер, а затем медленно, с нарастающим подозрением снова начал внимательно осматривать помещение. Толстые стены, экранированные

панели, тяжелая дверь... Это место было похоже на передовой военный объект, а не на подсобку провинциального кабака.

— Что за чертов бункер ты здесь создал? — сдерживая гнев, процедил Сидаренко, в упор глядя на Скальпа. — Кого ты, черт возьми, ограбил, чтобы отбухать такое убежище? Откуда такие ресурсы у обычного бармена?

Скальп снисходительно улыбнулся, ничуть не испугавшись тона полковника.

— Мне помогли, — уклончиво ответил он, обводя руками комнату. — Понимаете, полковник... У нас здесь, можно сказать, целая организация. Но вы не волнуйтесь, мы не бандиты с большой дороги. Мы больше походим на современных Робин Гудов. У нас никогда не было цели грабить бедных или наживаться на простых работах. Всё это оборудование, все эти стены — старое наследие. А богатые владельцы, коллекционеры у которых мы это изъяли, наверное, уже давно перестали переживать о своей потере. Смирились, так сказать, в добровольно-принудительном порядке.

— Сколько вас всего человек в этой вашей... организации? — Сидоренко весомо уронил каждое слово, уперев тяжелый взгляд в собеседника. Полковник пытался нащупать масштабы группировки, скрывающейся у него под носом.

— А вот это уже совершенно неважно, полковник, — Скальп мягко, но непоколебимо качнул головой. На его губах заиграла едва заметная, загадочная улыбка. — Поверь-

те на слово, цифры сейчас не имеют ровным счетом никакого значения. Пускай, несмотря на всю мою сегодняшнюю откровенность и готовность идти на контакт, между нами все-таки останутся некоторые маленькие секреты.

Скальп неторопливо протянул руку, взял со стола тяжелый стеклянный стакан и поднес его к губам. Он сделал несколько медленных, смакующих глотков дорогого виски, даже не поморщившись от крепости алкоголя. Полковник все это время продолжал сидеть неподвижно. Его собственный стакан с обжигающим янтарным напитком так и остался нетронутым.

— Так вот, ближе к делу, — Скальп аккуратно поставил стакан обратно на деревянную поверхность стола. — Я предлагаю вам, товарищ полковник, взаимовыгодную сделку. Настоящий компромисс, который, если вдуматься, принесет огромную пользу обеим сторонам.

— Какую еще сделку, бармен? — Сидоренко процедил это слово сквозь зубы, а в его голосе послышался опасный рокот. — Ты забываешься. Ты разговариваешь с офицером при исполнении, находясь в шаге от камеры.

— Выслушайте, а потом судите, — ничуть не смутился Скальп. — Условия просты. Вы выдаете мне этого крысеныша и предателя Власова. Вы отдаете его в мои руки и полностью закрываете глаза на то, что именно я с ним сделаю после. Живым или мертвым — это уже моя забота. Так же вы полностью, официально реабилитируете моего подопечного.

Снимаете с него все обвинения и вычеркиваете из всех ориентировок. А то, если честно, судя по его измученному виду, очень нелегко дается столько времени безвылазно находиться в этих четырех стенах. Он заперт в баре, как в клетке, и этот стресс идет ему явно не на пользу.

Скальп медленно повернул голову, и его оценивающий взгляд упал на мужчину, тихо сидевшего в углу кабинета. Вслед за барменом все остальные присутствующие в комнате тоже разом повернулись и уставились на этого человека, который до этого момента старался казаться невидимым.

Полковник Сидоренко нахмурился, чувствуя, как пазл начинает складываться, но финальная картина ему очень не нравилась.

— Кто он такой? — резко переспросил, всматриваясь в бледное лицо человека.

— Знакомьтесь, полковник. Это Артем, — вновь с абсолютным, почти пугающим спокойствием произнес Скальп, откидываясь на спинку стула. — Тот самый человек, которого сейчас безрезультатно ищет весь город. Все ваши патрули, все оперативники и все ориентировки на столбах. Он перед вами.

Глаза полковника округлились от шока, а по спине пробежал холодок. На мгновение в кабинете повисла звенящая, мертвая тишина. Следователь Николай при этих словах лишь обреченно вздохнул и уставился смотреть куда-то вниз, разглядывая мыски своих туфель. Николай прекрасно

понимал, что рано или поздно они должны были дойти до этого момента, и тайное станет явным. Сейчас отсутствие какого-либо визуального контакта с кем-либо из присутствующих в комнате парадоксальным образом его успокаивало. Он просто не хотел видеть ярость своего начальника, когда тот осознает всю глубину капкана, в который они угодили.

— Мать моя женщина... — выдохнул Сидоренко, и этот приглушенный возглас прозвучал в замкнутом пространстве бункера на удивление беспомощно. Полковник во все глаза разглядывал Артема. — Как это вообще возможно? Ты? Ты же жестоко убил столько людей... Причем в одиночку! Сам положил всю смену!

— Нет, товарищ полковник, он этого не делал, — сухо и веско произнес Скальп. Его голос прозвучал как удар хлыста, заставив полковника осечься. — Вы сейчас должны приглушить свои эмоции и просто постараться мне поверить. Он не убивал абсолютно никого из тех, кто присутствовал в ту ночь в здании. На его руках нет крови. Вы сейчас вряд ли поверите моим словам, но он их попросту усыпил. Сделайте скидку на его... специфические таланты. Он просто дал им крепко поспать. А вот уже другая тварь, которая пришла следом, их хладнокровно умертвила, — Скальп произнес слово «тварь» с таким леденящим выражением, что по коже присутствующих пробежали мурашки.

— Что ты, черт возьми, несешь, бармен?! Какая еще тварь?! — вскипел Сидаренко, чье рациональное мышление

наотрез отказывалось принимать подобный бред.

Терпение окончательно лопнуло. Его правая рука, повинаясь многолетней армейской привычке, резко дернулась вниз, к поясной портупее. Он уже начал расстегивать кожаный хлястик, намереваясь достать свое законное табельное оружие и силой прекратить этот сумасшедший фарс.

— Нет, полковник, остановитесь! Слышите меня? Вы не должны этого делать! — вдруг неожиданно громко и испуганно подал голос следователь Николай.

Преодолевая панический страх перед начальством, он подался вперед и буквально силой положил свою подрагивающую ладонь на плечо полковнику, удерживая его руку.

Сидоренко от такой наглости на секунду опешил. Он повернул к подчиненному искаженное яростью лицо:

— Ты что творишь, капитан?! Под суд захотел?! Руки убрал!

— Товарищ полковник, умоляю, поверьте мне — не стоит этого делать, — Николай не убирал руки, его голос дрожал, но взгляд был мертвенно-серьезным. — Вы просто немного... точнее, совсем не понимаете, с кем и с чем мы сейчас имеем дело. Я сегодня уже на собственной шкуре осознал, с чем на самом деле встретился. И мне, откровенно говоря, страшно до усрачки. Посмотрите на меня. Видите? У меня на поясе кобура, в ней заряженный пистолет. Эти люди сидят перед нами абсолютно спокойно, без всякого оружия в руках. И при всем при этом я отчетливо, разумом осознаю,

что физически поднять на них оружие я не могу. Мое тело меня просто не слушается.

— Тебя что, загипнотизировали, придурок?! — рыкнул Сидоренко.

Он попытался стряхнуть руку Николая и опять начал старательно, с силой вытягивать пистолет из кобуры. Но произошло нечто странное. Металл будто намертво врос в кожу. Пистолет, за что-то невидимое зацепившись внутри, никак не желал вылезать наружу, словно его удерживал мощный магнит.

— Что за чертовщина?.. — пробормотал полковник, у которого на лбу выступил холодный пот, когда он безуспешно рванул рукоять в третий раз. — Что за?..

— Успокойтесь, полковник. Расслабьте руку, — уже сам Скальп заговорил тихим, гипнотическим и ровным голосом, плавно поднимая ладони вверх ладонями квесту, показывая, что они пусты. — Здесь, в этом помещении, конкретно для вас и вашего спутника нет абсолютно никакой угрозы. Мы вас не тронем. Но и вы свое оружие против нас применить не сможете. Давайте просто продолжим наш конструктивный диалог.

Информация из статьи:

Городской порт всегда считался сердцем местной экономики, но для обывателей и прессы он оставался лишь набором цифр в отчетах о разгрузке контейнеров. Никто и поду-

мать не мог, что объект стратегического значения сменил хозяина без единого выстрела, судебного иска или упоминания в новостях. Это была классическая схема «тихого поглощения», практикуемая скрытыми монополистами. Старый владелец порта, портовый магнат Леонид Беркутов, руководил предприятием больше двадцати лет. Его считали непотопляемым. Однако за кулисами реальной политики города всё изменилось за одну неделю. К Беркутову не приходили люди с автоматами и не заводили фиктивных уголовных дел — действовали тоньше. Информационный вакуум: Все переговоры велись в закрытых загородных резиденциях, полностью защищенных от прослушки. Семье Беркутова аккуратно продемонстрировали папки с компроматом, который собирался годами, и файлы, детализирующие каждый шаг его детей за границей. Цена вопроса была понятна без слов. В официальных реестрах структура собственности не изменилась ни на йоту. Акции и доли формально остались за прежними офшорными компаниями-пустышками, зарегистрированными на Кипре и в Белизе. Но конечный бенефициар стал другим. Беркутов подписал генеральные доверенности с правом безвозмездного управления на имя подставных лиц, фактически превратившись в «живой манекен». Новым негласным хозяином порта стал консорциум, известный в узких кругах как «Синдикат Харитонова». Это те самые скрытые монополисты, которые уже подмяли под себя городскую промзону и несколько ключевых

транспортных узлов. Полномочия на управление причалами и таможенными терминалами перешли к их доверенному лицу, чье имя никогда не всплывало в прессе. Внешне порт продолжал работать в штатном режиме. Краны отгружали металл, рабочие получали зарплату, а руководство города продолжало слать Беркутову приглашения на официальные приемы. Но изнутри структура полностью переродилась. На ключевые посты в службе безопасности порта заступили молчаливые люди из частных структур Харитонова. Ночные смены на втором и третьем терминалах теперь закрывались от посторонних глаз, а камеры наблюдения в эти часы «случайно» уходили на техобслуживание. Через порт потекли иные, неучтенные грузы. Контроль над морскими воротами города был сдан полностью, но для всего остального мира порт оставался прежним, мирно дремлющим у кромки воды.

Глава 2

Предатели

— Дорогой, ты случайно не видел мой телефон? — из глубины коридора донесся взволнованный голос Ани. Она в спешке перерывала сумочку, то и дело заглядывая под ворох брошенных на банкетку вещей. — Мне уже бежать надо, время поджидает! Очень не хотелось бы перед самым уходом оставить его где-нибудь дома и остаться без связи на

весь день.

Илья оторвался от утреннего кофе и спокойно посмотрел на жену, которая в суматохе пыталась одновременно обуться и застегнуть пальто.

— Нет, на глаза не попадался, — ответил он, поднимаясь из-за стола. — Давай я просто наберу твой номер, и по звуку быстро узнаем, где он спрятался.

— Хорошо, давай, только скорее, пожалуйста! Мне прямо срочно нужно отправляться, Степан ждать точно не будет, он в этих вопросах пунктуален до тошноты, — Аня раздраженно вздохнула, поправляя выбившийся локон. — Ведь это именно он настоял на том, чтобы именно я занималась этим чертовым проектом цифрового полиса. Вот сейчас его, признаться, редко, но вспоминаю далеко не самым хорошим словом. Навесил на меня такую гору бюрократии, что дышать некогда.

— Всё, звоню, слушай, — Илья понимающе улыбнулся.

Он достал из кармана свой смартфон, быстро отыскал в контактах имя жены и нажал на вызов. Буквально через пару секунд из глубины квартиры донеслись приглушенные, но отчетливые звуки знакомой мелодии. Музыка бодро доносилась прямиком из ванной комнаты — телефон мирно лежал на стиральной машине рядом с косметичкой.

— Вот я растяпа... — облегченно, стараясь успокоить саму себя, проговорила Аня.

Она поспешно разулась, пробежала по коридору и забра-

ла свой гаджет. Вернувшись к дверям и уже на ходу пряча находку в карман, она ласково посмотрела на мужа:

— Спасибо, спас. Слушай, а у тебя самого какие планы на сегодня? Из офиса во сколько освободишься?

— Отработаю положенное, а потом планирую заехать в бар, — ровным тоном ответил Илья, стараясь не выдавать легкого волнения. — Надо с Артемом пересечься, обсудить пару вопросов.

Аня на секунду замерла, и на ее лице отразилась тень легкой тревоги, которая, впрочем, тут же сменилась привычной мягкой иронией.

— Ох, смотри у меня... Опять ведь попадешь в какие-нибудь неприятности с этими твоими барными посиделками, — уже с теплой улыбкой произнесла жена, потянувшись к дверной ручке. — Лучше езжай сразу домой после работы, целее и живее будешь. Ладно, я побежала!

Илья ничего не стал говорить в ответ, чтобы лишний раз не обнадеживать жену и не лгать ей. Он лишь крепко обнял ее на прощание, поцеловал в щеку и проводил задумчивым взглядом. Та выскочила на лестничную клетку и убежала так быстро, словно от этой утренней встречи со Степаном действительно решалась судьба всего их отдела. Дверь с негромким щелчком закрылась. Илья постоял еще с минуту на пороге квартиры, глядя на запертый замок, и внутри него начала созревать одна крайне интересная, хоть и рискованная идея.

«А что, если напрямую обратиться к Скальпу за финансовой помощью?» — подумал он, возвращаясь на кухню. В конце концов, ситуация обязывала. Раз уж Илья теперь волей-неволей находился внутри этой странной, полусекретной организации, то к нему должны относиться как к полноправному сотруднику. А сотрудникам, как известно, обязаны платить за риск и преданность. По рассказам того пацана, которого он расспрашивал в баре, его друг очень даже недурно получает от Скальпа в финансовом плане — денег хватает на безбедную жизнь. Тот же Артем наверняка за последнее время нигде официально не был трудоустроен. Надо будет у него поинтересоваться.

В последнее время Илья начал ловить себя на мысли, что его голова наконец-то очистилась от вечного тумана. У него всё чаще начали появляться светлые, свежие мысли, а привычная рутинная работа больше не выжимала из него все соки, как это бывало раньше. Внутри мужчины словно зажегся какой-то внутренний фитиль. Он снова начал тонко чувствовать жизнь вокруг, и в нем, точно у бунтующего подростка, проснулось яркое, активное желание не стоять на месте, а постоянно двигаться вперед и действовать вопреки любым обстоятельствам. Прежняя монотонная офисная работа и фальшивое общение с потенциальными клиентами по телефону больше не казались ему чем-то важным и желанным. Илью тошнило от необходимости каждый день перекладывать бумажки. Его непреодолимо тянуло делать что-то ре-

альное, осязаемое, работать физически, нежели часами без толку чесать языком в душном кабинете ради выполнения чужих планов. Захваченный этим внезапным приливом чистой, первобытной энергии, Илья не стал сдерживать порыв. Прямо посреди комнаты он решительно опустился на ковер и принял упор лежа. Мужчина глубоко вздохнул и начал ритмично, мощно отжиматься от пола, чувствуя, как приятно наливаются тяжестью мышцы рук и груди. Каждое движение приносило странное, давно забытое удовольствие — тело будто радовалось тому, что о нем наконец-то вспомнили. Маленький Сашенька, сидевший до этого на диване со своими игрушками, с искренним любопытством уставился на отца. Посмотрев на папу широко раскрытыми глазами, малыш лишь весело улыбнулся такой резкой и забавной перемене в поведении серьезного взрослого. Для ребенка это выглядело как увлекательная новая игра. Громко топоча босыми пятками по паркету, Сашенька подбежал ближе. Смешно надул щеки, запыхтел и, скопировав позу отца, уже был полностью готов во всем повторять отжимания за ним. Малыш старательно выпрямил крохотную спинку и попытался опустить корпус к полу. Но силёнок предсказуемо не хватило, координация подвела, и уже после самого первого, неуклюжего полу отжимания мальчик со смехом завалился на бок, растянувшись на мягком ковре. Илья остановился на тридцатом повторении, тяжело дыша, и с нескрываемой нежностью посмотрел на барахтающегося рядом сына. В этот момент он

отчетливо понял, силы продолжают расти и ему это безумно нравится.

Отвезя маленького Сашеньку на занятия, Илья окончательно решил для себя провести сегодняшний день с максимальной пользой. Нельзя было впустую растрачивать тот мощный заряд внутренней энергии, который он получил. Ему физически захотелось делать свою привычную, опостылевшую работу в разы быстрее обычного, чтобы поскорее с ней покончить. Именно этим он и занялся, едва переступив порог своего офиса. Как назло, первыми в его списке на обзвон шли несколько крайне капризных и трудных клиентов. Эти люди уже вторую неделю пребывали в глубоких сомнениях по поводу приобретения дорогого жилья, выматывая Илье все нервы своими бесконечными расспросами и требованиями скидок. Раньше Илья послушно лебезил бы перед ними, подбирая каждое слово, но сегодня всё изменилось. На этот раз он мысленно включил абсолютный, железобетонный «режим пофигиста». И, как ни странно, этот циничный подход определенно и безотказно сработал.

Разговаривая по телефону, Илья намеренно демонстрировал легкую холодность и полное безразличие к тому, купит клиент квартиру или нет. На подсознательном уровне он транслировал собеседникам простую мысль: эти апартаменты настолько популярны, ликвидны и востребованы на рынке, что они разлетятся как горячие пирожки в любом случае, совершенно независимо от решения того конкретного чело-

века, с кем Илья сейчас говорит. Он не уговаривал. Он просто констатировал факты, словно делал одолжение.

Богатые покупатели велись на эту уловку как дети. Наверное, им до зубовного скрежета реально поднадоело навязчивое, приторно-сладкое желание типичных рекламщиков и менеджеров продать свой товар любой ценой. Илья же общался с ними как хозяин положения. В итоге за неполный рабочий день мужчина, сам от себя не ожидая такой прити, умудрился триумфально оформить четыре крупных контракта. Он искренне удивил и поразил сам себя столь нестандартным, дерзким подходом к казалось бы привычному вопросу продаж. Шеф в офисе довольно похвалил его, но Илью это уже не трогало. Несмотря на карьерный успех, все его мысли были заняты совершенно другим. Мужчина то и дело поглядывал на наручные часы, мечтая поскорее закончить с бумажной волокитой, прыгнуть в машину и приехать в тот самый бар на окраине. Ему хотелось встретиться с Артемом и, что еще важнее, наконец-то серьезно поговорить один на один с загадочным мистером Скальпом.

— Вы верите в магию, полковник? — вдруг разбил тишину Артём.

До этого момента он сознательно оставался в тени, сливаясь с полумраком кабинета и позволяя остальным вести разговор. Однако сейчас, когда внимание присутствующих наконец переключилось на него, упускать шанс было нельзя.

Артём решил сыграть на опережение, перехватив инициативу в свои руки прежде, чем ситуация выйдет из-под контроля.

Он сделал шаг вперёд, и тусклый свет настольной лампы выхватил из темноты его абсолютно спокойное лицо.

— Я настоятельно рекомендовал бы вам с сегодняшнего дня поверить в паранормальные вещи, — его голос звучал ровно, почти обыденно, что пугало ещё сильнее. — Понимаю, для человека вашей закалки это сложно. Но за той привычной ширмой материального мира, в котором мы с вами так уютно находимся, скрыта поистине серьёзная, пугающая сила. Она не подчиняется вашим уставам и законам.

От этих неожиданно умных, взвешенных и зловещих слов даже Скальп удивленно приподнял бровь. Он и представить не мог, что его подопечный способен на такую хладнокровную и вескую речь.

Артём тем временем продолжал, удерживая тяжёлый взгляд на офицере:

— Я веду к тому, что в тот вечер, когда я насильно оказался в вашем полицейском отделе, меня как-то забыли спросить, хочу ли я быть избитым. Мнения моего никто не спрашивал, понимаете? Мне просто не оставили выбора. Конвоиры были уверены в своей абсолютной безнаказанности. Но я не привык быть жертвой. Я начал защищаться.

Артём сделал короткую паузу, давая полковнику прочувствовать весь вес своих слов, и тихо спросил:

— Как вы думаете, чисто гипотетически... возможно ли обычному человеку в одиночку, голыми руками справиться с целым нарядом вооружённых оперативников, не используя скрытые, скажем так, особые способности?

Полковник, до этого сидевший прямо, ничего не произнёс в ответ. В кабинете повисла удушающая тишина. Внешне офицер старался сохранять маску каменного спокойствия, но его выдавало внутреннее состояние. Он буквально вжимался в глубину своего массивного кожаного кресла, словно пытаясь отгородиться им от стоящего перед ним парня. Пальцы полковника судорожно вцепились в подлокотники, а на лбу выступила едва заметная испарина. Он внезапно осознал, что перед ним сидит далеко не рядовой задержанный.

— Так вот, полковник, — Артём едва заметно улыбнулся уголками губ, сделав голос ещё тише, отчего тот стал похож на шёпот змеи. — Чтобы прямо сейчас наглядно и... весьма болезненно не демонстрировать вам, на что именно мы способны, я проявляю великодушие. Я лишь даю вам уникальную возможность. Возможность договориться.

— Да. Всё именно так и есть, — спокойно, почти буднично произнёс Скаल्प, нарушая затянувшееся молчание.

В его голосе не было ни капли бахвальства — лишь холодная, железобетонная уверенность человека, который точно знает своё превосходство. Он не спеша повернулся к застывшему в кресле офицеру и заглянул ему прямо в глаза.

— Настоятельно рекомендую вам, полковник, не допус-

кать той же роковой ошибки, которую в своё время совершил один ваш коллега... Тот недалёкий следователь. Как же его... Рыков, кажется, звали? Да, точно, Рыков.

Скальп сделал паузу, словно смакуя воспоминание, и едва заметно покачал головой.

— Я ведь тогда проявил к нему редкое милосердие. Отпустил его прямо из этого кабинета. Уговор между нами был предельно прост и понятен: ты собираешь вещи, уезжаешь отсюда к чёртовой матери и больше никогда, ни при каких обстоятельствах здесь не появляешься. Но он оказался глупцом. Решил, что сможет перехитрить систему, проявить характер, вызвать подмогу... В итоге нам пришлось повязать всю его компашку, причём вместе со всем их хвалёным спецназом, который они так панически вызвали.

Скальп сделал короткую паузу и снисходительно, с едва заметной издевательской усмешкой добавил:

— Вы ведь понимаете, да? Понимаете теперь истинные масштабы наших возможностей? Надеюсь, вам не нужно объяснять, что стало с теми бойцами.

Полковник судорожно сглотнул, но промолчал. Скальп удовлетворённо кивнул и перешёл к делу, ради которого всё это и затевалось:

— Именно поэтому, полковник, чтобы не доводить ситуацию до очередной трагедии, нам с вами нужно полюбовно договориться об одном крайне важном деле. Условия у меня простые. Первое: вы прямо сейчас полностью снимаете все

обвинения с Артёма. Закрываете дело, уничтожаете улики — делайте что хотите, но его имя должно быть девственно чистым перед законом. Второе: вы отдаёте мне лично Власова. С потрохами. — А я, в свою очередь, предлагаю вам очень выгодную сделку. Честную, надёжную протекцию с нашей стороны на неопределённый срок. Нас никто не видит, но мы можем решить любой ваш вопрос.

Скальп замолчал, давая собеседнику время переварить услышанное. Он не спеша потянулся к столу, взял свой стакан и снова зажигалкой звякнул лёд, когда он сделал очередной медленный, глубокий глоток виски, не сводя тяжёлого взгляда с бледного лица полковника.

— Если всё это блеф, бармен... то, признаться, это гениально, — хриплым, сорванным голосом выдавил из себя полковник.

Офицер попытался нервно усмехнуться, но улыбка вышла вымученной и больше походила на судорогу. Он тяжело перевёл дыхание, прижимая ладони к прохладным подлокотникам кресла, чтобы унять едва заметную дрожь в пальцах.

— Я за всю свою долгую службу никогда с подобным не сталкивался. Вы меня сегодня по-настоящему поразили, даже спорить не стану. И... определенно, задерживать я вас двоих сегодня не буду. Но учтите — это только пока. До выяснения всех обстоятельств.

Полковник замолчал, собираясь с мыслями, а затем подался вперёд. В его глазах, подернутые дымкой усталости

и страха, мелькнул сугубо профессиональный, следовательно, интерес. Он зацепился за единственную осязаемую деталь.

— У меня к вам один простой, чисто человеческий вопрос... Так кто на самом деле убил тех несчастных людей в дежурной части? Кто уложил весь наряд?

Офицер медленно перевёл тяжёлый, испытывающий взгляд с бармена на притихшего Артёма. Парень ответил ему прямым, пугающе холодным взглядом. В его глазах не было ни тени раскаяния или страха.

— Демон... — коротко, одним-единственным хлестким словом произнёс Артём.

— А-а-а, демон, ну конечно... Демон, — полковник на секунду опешил. Не найдя никаких более разумных, логических ответов в своей голове, он лишь горько и разочарованно покачал головой. — Я просто не знаю, как мне на всё это смотреть! Вы же откровенно насмехаетесь надо мной, верно? Вам просто весело. Сидишь тут, виски хлещешь, бармен старей... Юмор у вас, значит, такой специфический? Нравится вам людей бесить, доводить до ручки своими сказками?

— Не продолжайте, полковник, — жёстко, вновь приняв абсолютно серьёзное и непроницаемое выражение лица, перебил его Скаल्प.

Он аккуратно поставил пустой стакан на полированную поверхность стола. Стук стекла о дерево прозвучал в тишине кабинета как выстрел.

— Да, я прекрасно понимаю, что со стороны для нормального человека всё это выглядит как полная, несусветная ахинея. Но если вы мне не верите, можете провести один очень простой следственный эксперимент. Когда возьмёте на допрос Власова — а вы его возьмёте, — спросите у него лично, кто такой Скаल्प и на что я способен. Поверьте моему опыту, он сразу же расколется и споёт вам такие баллады, что у вас волосы на голове зашевелиятся. Впрочем, я это предложил исключительно на ваше усмотрение. Насильно мил не будешь.

Скаल्प плавно залез во внутренний карман пиджака, достал дорогую ручку и быстрым, размашистым почерком набросал несколько цифр на вырванном листке блокнота. Передвинув бумажку по столу к полковнику, он добавил:

— Вот, держите мой прямой номер. Будут проблемы — пишите мне на него, не стесняйтесь. Я обязательно отвечу и, как и обещал, помогу решить ваши глухие дела.

Полковник мгновение буравил взглядом листок, словно тот был заряжен взрывчаткой, но затем медленно протянул руку, взял его и спрятал в глубокий карман своего форменного кителя. Скаल्प вальяжно поднялся со своего места, поправил воротник и снисходительно посмотрел на хозяина кабинета сверху вниз.

— Ну а теперь, с вашего позволения, мне нужно дальше заниматься своими делами, их накопилось немало. А вы можете тех бедняг, что лежат в баре в отключки, забирать с со-

бой. Они уже скоро очухаются, жить будут. Но имейте в виду: парням теперь точно понадобится очень хорошая, квалифицированная психологическая помощь.

Полковник медленно, словно через силу, поднялся со своего кресла. Тяжёлым, полным невысказанных вопросов взглядом он сначала смерил Артёма, который по-прежнему стоял неподвижно, как изваяние, а затем вновь перевел глаза на Скальпа. Лицо офицера осунулось, под глазами залегли глубокие тени.

— Я... я понял бармен, — хрипло и коротко промолвил полковник, стараясь вернуть голосу былую твердость. — В самое ближайшее время я дам о себе знать. Ждите звонка.

Больше не произнося ни слова, он резко развернулся и быстрым шагом направился к выходу из кабинета. Следовательно, всё это время старающийся казаться незаметным и дышавший через раз, тенью двинулся следом за начальником, торопливо переставляя затекшие ноги. Они были уже у самой двери и почти перешагнули порог, когда Скаल्प внезапно окликнул их. Его голос, прозвучавший негромко, но властно, заставил обоих мужчин мгновенно застыть на месте, так и не открыв дверь до конца.

— Подождите секунду, господа, — Скаल्प мягко улыбнулся, но в этой улыбке не было ни капли тепла. — Хочу настойчиво напомнить вам одну простую вещь. Наша организация крайне не любит публичности. Всё, что вы здесь услышали, должно оставаться в полной, абсолютной секретности.

На данный момент во всём городе о наших... скромных возможностях знаете только вы двое. Ну и ещё Власов, с которым вам только предстоит поговорить. Очень вас прошу, постарайтесь сделать так, чтобы эта информация случайно не расплылась по городу. Лишние слухи не нужны ни мне, ни, уж поверьте, вашему руководству. Я буду вам за это крайне благодарен.

Угроза, завуалированная под вежливую просьбу, дошла до адресатов мгновенно. Полковник и следователь почти синхронно, словно по команде, коротко кивнули головами. Не проронив ни звука, они торопливо вышли в тёмный коридор служебной подсобки, аккуратно прикрыв за собой дверь. В кабинете воцарилась тишина. Прошло от силы минуты три, как эту тишину разорвали резкие, надрывные звуки заходящихся автомобильных двигателей. Заскрипели тормоза, зашуршал гравий под тяжелыми шинами. Один за другим все пять автомобилей разом сорвались с места и уехали, оставив парковку промзоны абсолютно пустой и безмолвной.

— Ну, как тебе всё это, Артём? Появилось наконец ощущение, что ты снова будешь свободным человеком, а не загнанным зверем, за которым охотится весь город? — Очень хотелось бы надеяться, что этот полковник окажется с мозгами. Что он расценит наш сегодняшний жест не как прямую угрозу, а как редкую, чертовски выгодную возможность для сотрудничества. Для него это единственный шанс спасти

свои погоны.

— Он оценит, мистер Скаल्प. Обязательно оценит. Мне показалось, что в тот момент, когда вы предложили ему эти условия, он внутренне уже был решительно готов им следовать. У него просто не оставалось выбора, и его шкура это мгновенно почувствовала. Другое дело — что именно этот законник теперь придумает для нас, чтобы полностью обелить моё имя перед законом? Убрать человека из федерального розыска и замять бойню в участке — задача не из лёгких даже для целого полковника.

Скаल्प медленно развернулся. Его лицо при настольном свете казалось высеченным из камня, а в глазах читалась вековая усталость.

— В этом проклятом городе давно нет порядка, Артём. Абсолютно никакого порядка, — глухо произнёс он, возвращаясь к столу. — Я сам замечаю это уже не первый год. Сажу здесь, в четырёх стенах этой промзоны, и наблюдаю одну и ту же картину — сплошную разруху, которая расползается вокруг как чума. И с каждым днём всё становится только хуже. Поэтому полковнику нельзя доверять окончательно. Такие люди служат системе, пока им это выгодно, но при первой же опасности сдадут нас, глазом не моргнув.

Скаल्प сделал паузу, его взгляд стал мрачным, устремленным куда-то в прошлое. Он провёл ладонью по лицу.

— Я уже жестоко разочаровался в Максиме... А ведь он был моим человеком, преданным и надёжным информато-

ром. Он мог бы и дальше снабжать меня ценнейшими сведениями изнутри, жить припеваючи и ни в чём не нуждаться. Но банально поддался жадности. Увидел большие деньги и решил, что делиться ни с кем не нужно, захотел забрать всё себе. Теперь его точно нет в городе — сбежал, сверкая пятками. Вчера поздно вечером я перечислил ему большие деньги, а уже ночью на объекте полыхнул пожар. И это далеко не случайность.

Скальп подошёл вплотную к Артёму и опёрся на спинку стула, глядя на парня сверху вниз. В его голосе зазвучали зловещие, тяжёлые ноты.

— Я уверен, что этот монстр напрямую замешан в поджоге. Он методично уничтожил всех свидетелей, до единого. Эта тварь наивно считает, что если она спрячет концы в воду, то все чужие грехи автоматически перейдут к ней... Но об этом никто не узнает и он останется чистым. И его совершенно не волнует, что именно я заварил всю эту кашу, когда решил скрыть свидетелей и держать их связанными здесь, в промзоне... Ощущения скверные, Артём. Нас судьба обложила несчастьем со всех сторон в этой каменной ловушке. И эта ситуация с твоей причастностью к резне в отделе полиции... Я ведь знаю, что ты не хотел никого убивать. Ты просто защищал свою жизнь. А в итоге — гора трупов, и все они погибли из-за нас обоих. Сколько интересно нам бы пришлось отсидеть. Смертной казни нет, думаю на пожизненное мы бы оба железно сели. Без единого шанса на досрочное

освобождение. Система никогда бы не простила нам то, что мы вышли за её рамки. Мы бы просто сгнили в какой-нибудь глухой одиночной камере, так никогда больше и не увидев солнечного света.

Их разговор прервал звонок. Это Илья дозвонился до Артёма. Тот поднял трубку и утвердительно согласился с говорящим. Затем он повернул голову и предупредил Скальпа, что приехал Илья и вот-вот зайдёт в бар. Артём добавил, что пойдёт встретить его. Цель приезда Илья в коротком звонке не назвал — по всей видимости, скажет сейчас лично. Скальп лишь утвердительно, едва заметно махнул рукой, давая понять, что Артём может идти.

Едва переступив порог бара, Илья почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Да тут, я смотрю, был настоящий погром! — вслух, не скрывая шока, произнёс Илья, оглядывая разрушений.

Артём уже ждал друга. Он стоял посреди зала и с абсолютным хладнокровием медленно и неспешно прибирался, сметая осколки в одну кучу. По его лицу нельзя было понять, о чём он думает, но швабру в руках он держал уверенно.

— Что здесь вообще стряслось, Тёма? На вас напали? — с явной тревогой в голосе спросил Илья, подходя ближе к стойке.

— Да полковник собственной персоной приезжал сюда, — спокойно ответил Артём, на мгновение прервав своё занятие. — Был у нас с ним очень долгий, серьёзный разговор.

Но, если честно, Илья, вся основная драка завязалась ещё до его появления. Я подробностей толком не знаю, сам свидетелем не был, в тот момент в гостевой комнате находился.

Артём загадочно улыбнулся и, понизив голос, добавил:

— Но скажу тебе по секрету: мистер Скаल्प сегодня просто блестяще потренировался на приехавших полицейских. Разбросал их как кегли.

Илью эти слова искренне развеселили. Мрачная картина перед глазами уже не казалась такой пугающей, и липкое, давящее напряжение в воздухе сразу сошло на нет. Парень негромко хмыкнул, представив эту сцену.

— Надо же, полковник... И примчался прямо сюда? — удивился Илья, качая головой. — А повод-то какой был для столь высокого визита? Что им всем от нас нужно?

— Мистер Скаल्प сейчас активно налаживает новые, куда более надежные связи, — пояснил Артём, облокотившись на черенок швабры. — Тот информатор, который работал на нас раньше, оказался гнилым человеком. Он нас сильно подвёл, фактически предал. Теперь мы меняем правила игры и будем общаться напрямую с верхушкой полицейского управления.

— Погоди, как это понять — общаться? Вы теперь на полицию работать будете? — Илья непонимающе нахмурился.

— У нас наклёвывается взаимовыгодная сделка. Полковник даёт нам одно сложное, дело, а взамен меня полностью и навсегда освобождают от всех сфабрикованных обвинений.

Моё имя просто вычеркнуто из уголовных баз. Да и нашего предыдущего информатора копы пообещали найти и выдать лично мистеру Скальпу на самосуд.

— И перевернули весь бар? Ничего себе ставки... — Илья ошеломленно свистнул. — Вы же оба с мистером Скальпом практически не выходите из этого здания, сидите безвылазно, а умудряетесь продолжать крутить здесь такие масштабные дела. Это что, тоже какая-то ваша магия? — с усмешкой спросил он, пытаясь перевести всё в шутку.

— Нет, друг, никакой магии. Это всего лишь прямое продолжение той кровавой истории, которая до сих пор не даёт мне покоя со времён бойни в отделение полиции. Но самое паршивое, что к ней теперь добавился ещё и ночной поджог ангаров в нашей промзоне. А там, Илья, тоже было много смертей. Даже гораздо больше, чем у копов в участке.

Илья, услышав про новые массовые жертвы, мгновенно перестал веселиться. Улыбка сошла с его лица, взгляд стал сухим и сосредоточенным.

— Что там произошло на самом деле? Кто устроил пожар?

— Наш бывший информатор... — глухо произнёс Артём, и в его глазах блеснула злость. — Он получил от нас огромные деньги и решил разом закрыть рты вообще всем, кто хоть что-то успел узнать о скрытых способностях нашей организации. Этот безумец наивно посчитал, что таким радикальным жестом он берёт все грехи на себя и сжигает концы в воду. Но мистер Скаल्प с такой постановкой вопроса кате-

горически не согласен. Он прямо приказал полковнику отыскать этого человека и отдать его нам. Теперь вот начальник полиции думает. Сидит, наверное, в своей служебной машине и судорожно придумывает, какую бы важную и опасную миссию нам поручить взамен.

Илья тяжело вздохнул, оперся спиной о край барной стойки и скрестил руки на груди. Его взгляд блуждал по разгромленному залу.

— Понятно, Артём... — негромко произнес он, погружаясь в собственные мысли. — Но, знаешь, я ведь приехал сюда не просто для того, чтобы повидаться с тобой и обсудить последние новости. Всё гораздо серьёзнее. В последнее время меня до глубины души начала наскучивать моя работа. Каждый день превратился в серую, бессмысленную рутину. У меня появилось стойкое, давящее ощущение, что я занимаюсь в этой жизни вообще не тем, чем должен.

Илья сделал паузу, подбирая слова, и посмотрел другу прямо в глаза:

— Я хочу изменить свою жизнь, Тёма. Изменить её кардинально. Жене я об этом пока ещё ничего не говорил, не хотел пугать раньше времени, но внутренне чувствую, что этот шаг уже неизбежен.

— Я всегда рад помочь.

— Как ты думаешь со стороны... это вообще возможно для меня? Просто взять, бросить всё, уйти с этой чёртовой работы и полностью посвятить всё своё время, все силы на-

шей организации? Стать частью чего-то по-настоящему важного?

Артём внимательно выслушал друга, отставил швабру в сторону и смерил его взглядом. На его губах появилась понимающая, одобрительная улыбка.

— Знаешь, я прямо вижу, как в тебе уже вовсю проявляется эта новая внутренняя сила, — уверенно ответил Артём. — Ты ведь теперь просто не можешь усидеть на одном месте, тебя тянет к действию. И это здорово, ты молодец! С таким настроем скоро будешь крушить всю эту выползающую нечисть направо и налево, только держись.

Артём обвел рукой пустой зал бара и его улыбка сменилась вздохом:

— Ты только представь себе, как мне здесь находиться трудно. Сижу в четырёх стенах абсолютно без дела, пока вокруг разворачиваются такие события. Я от этой вынужденной изоляции уже прямо на стенку лезть готов, с ума схожу от бездействия!

Илья с сочувствием похлопал друга по плечу, понимая, какой груз ответственности и страха давит на парня, объявленного в розыск.

— Прекрасно понимаю тебя, друг. Это наверняка чертовски сложно — быть запертым здесь и ждать, решится ли твоя судьба. Но ты не унывай. Знаешь что? Ты вполне можешь как-нибудь втайне приехать к нам в гости. Посидим у нас дома, спокойно поболтаем в нормальной обстановке, отвле-

чешься немного от этой сырости. А потом, когда стемнеет, я сам лично отвезу тебя на машине обратно, прямо к дверям. Давай так и сделаем, чтобы тебе совсем уж грустно не было одному в этой глуши.

— Идея и правда неплохая, я обязательно подумаю над твоим предложением, — уже совсем по-дружески, с тёплой улыбкой произнёс Артём.

— Помнишь когда ты помог мне выбраться из комы и защитил от существа в палате... Оно ведь осталось жить? Ты же его окончательно не уничтожил?

— По правде говоря, нет, — ответил Артём. — Мне просто не дали этого сделать. Тогда в палату ворвались охранники и уложили меня на пол. Я физически не успел полностью избавить наш мир от той нечисти.

— Так получается, тварь до сих пор находится в больнице? — встревожился Илья.

— Нет, Илья. Наша организация узнала о ней с моих слов. Туда сразу же съездили Егорка с Сарагозой и оперативно ликвидировали это отродье ада. Так что не переживай, все люди там целы, — усмехнулся Артём.

Илья ненадолго замолчал, словно взвешивая что-то в уме, а затем внимательно посмотрел на приятеля. В его глазах мелькнул сугубо практический интерес. Илья огляделся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли их старик из своего глухого кабинета без окон, и понизил голос:

— Слушай, Артём, я вот хотел бы узнать у тебя одну вещь

чисто приземлённую... А тебе вообще мистер Скаल्प платит за работу? Или ты всё-таки живёшь исключительно на собственный счёт, крутясь как можешь? Ты только не подумай ничего такого, я не из праздного любопытства спрашиваю. Мне просто необходимо заранее сверить все возможные риски, если мне в будущем всё же придётся окончательно уйти со своей работы и сжечь мосты. Нужно ведь понимать, на что рассчитывать моей семье.

— Да брось ты, всё нормально, я не обижаюсь, — Артём понимающе кивнул и опёрся на швабру, которой только что прибирал осколки. — Отвечу тебе честно, как есть, без всяких секретов. В нашей организации всё напрямую зависит от количества лет службы. Чем дольше ты находишься в рядах организации, чем больше у тебя опыта и выполненных контрактов, тем, соответственно, выше твоя фиксированная зарплата.

— Значит, если судить по твоей логике, ты сейчас у нас самый богатый? Ну, если, конечно, не считать того опытного охотника... Как его там зовут, Карлос, вроде? — прищурился Илья.

— Ну, в какой-то степени можно сказать и так, — Артём невольно усмехнулся, но тут же стал вновь серьёзным — Только вот маленькая деталь: Скаल्प Карлосу вообще ничего не платит из общего фонда. Тот парень работает по совершенно другой схеме. Он сам наловчился крафтить себе какие либо ценности, артефакты и продавать их на теневом

рынке нужным людям. Так что он на полном самообеспечении и в деньгах старика вообще не нуждается.

— Понятно... Своя система, — задумчиво протянул Илья, переваривая информацию. — Значит, если примерно представить гипотетическую ситуацию, что я окончательно решил остаться с вами в организации до самого конца, то на сколько я могу рассчитывать? Какой будет мой оклад в этот самый первый, стартовый год обучения?

Артём на секунду задумался, прикидывая цифры, которые ему самому озвучивал Скаल्प, а затем ответил:

— Думаю, тысяч сто в месяц. Тебе сейчас может показаться, что это не так уж и много для нашей опасной деятельности, но ведь учти — это всего лишь первый год, пока ты будешь зелёным новичком. Для новобранца, которого ещё нужно всему обучать и страховать на заданиях, это абсолютно нормальная, адекватная цена. Мистер Скаल्प никого не обижает на старте.

— Понятно... — с явной, нескрываемой грустью в голосе промолвил Илья.

Его плечи заметно опустились, а во взгляде появилось разочарование. Он тяжело вздохнул, и вся его недавняя весёлость окончательно улетучилась, уступив место суровой реальности.

— Просто у нас в семье сейчас, мягко говоря, далеко не всё так гладко, как хотелось бы. С деньгами стало совсем туго, буквально считаем каждую копейку. Всё из-за того лече-

ния в больнице... Нам в итоге выставили просто огромный, неподъемный счёт за медицинские услуги. Мне сейчас меньше всего на свете хочется подводить свою жену. Она и так ради нас двоих из кожи вон лезет, всё больше и больше задерживается на работе, берёт сверхурочные, приходит уставшая. Да и я сам, если честно, стараюсь из последних сил хватать как можно больше левых клиентов, кручусь на износ. Я ведь реально чувствую в себе эту дикую, почти подростковую силу, энергия буквально так и лезет из тела, спать не даёт! И я наивно думал, что если я полностью, с головой посвящу себя обучению магии и охоте, то это принесёт быстрый доход, и я смогу наконец навсегда забыть о наших проблемах с финансами... А выходит, что на сто тысяч мы долги быстро не закроем.

— Понимаю твоё разочарование, Илья, — Артём сочувственно вздохнул, аккуратно прислонив швабру к барной стойке. — Но тут нужно понимать одну вещь: магия и охота требуют времени. Ты сейчас стремительно растёшь, твоя сила только-только просыпается, но давай будем честны — до уровня хотя бы среднего, опытного охотника тебе ещё очень далеко. Поэтому сам понимаешь, друг: я готов сделать всё, что в моих силах, чтобы помочь тебе в обучении, готов делиться опытом, но оклад повесить никак не смогу. Эти правила устанавливаю не я.

Артём на секунду задумался, оглянулся в сторону подсобного помещения за барной стойкой.

— Есть, правда, один заманчивый вариант с той самой особой миссией полковника, про которую я тебе говорил. Когда дело касается таких критических, смертельно опасных контрактов, Скаल्प никогда не скупится на оплату. Там куш может перекрыть все твои больничные долги разом. Старик, конечно, может спокойно попросить выполнить эту миссию нашей главной легенде, но лишний раз докучать ему он просто не хочет. Это, как бы сказать, особый случай, требующий деликатности.

— Ты сейчас вообще про кого говоришь? — Илья вопросительно и с явным любопытством посмотрел на друга.

— Ну как про кого? Про Карлоса, конечно, — Артём хмыкнул, качнув головой. — Хотя он мне как человек, если честно, вообще не нравится — слишком заносчивый и высокомерный, — но нужно признать очевидное: его способности просто поражают. Мне до его уровня безгранично далеко, как бы я ни старался. Наверное, нужно просто родиться с таким редким даром, чтобы быть настолько чудовищно сильным.

— Я смотрю, ты хоть его и недолюбливаешь, но всё же чрезмерно уважаешь, — подловил его Илья, на губах которого снова появилась лёгкая усмешка.

— Да, конечно, Илья. Так и есть, глупо отрицать очевидное, — Артём открыто улыбнулся в ответ. — Ладно, давай немного отвлечёмся от этих мрачных финансовых тем и копов. Ну-ка, покажи мне, на что ты уже способен со своей но-

вой энергией?

Артём подошёл к одному из уцелевших деревянных столов, отодвинул стул и жестом предложил другу провести старый добрый бой на руках — армрестлинг. Илья, разумеется, охотно согласился. В его груди бурлил азарт, ведь он уже сегодня дома по каким-то совершенно непонятным для себя причинам с лёгкостью отжался от пола раз тридцать подряд. На волне этой внезапной самоуверенности он решительно пошёл в бой против Артёма. Они упёрлись локтями в деревянную поверхность стола и сцепили пальцы в замок. Илья выложился на полную с первой же секунды, напрягая все мышцы и вкладывая в толчок всю свою новую силу. Но уже в это мгновение он с ужасом понял, что победить у него не получится. Артём напротив него даже не особо старался. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, мышцы лица не напряглись ни на йоту. Он лишь внимательно, сосредоточенно смотрел прямо в глаза Илье.

Тот по всей видимости, терпеливо ждал, когда соперник выдохнется или сделает мощный, решающий рывок. Но никакого рывка так и не произошло — Илья быстро начал сдавать позиции, тяжело и часто дыша. Наскучив ждать и поняв, что друг выложил все карты, Артём плавным, медленным движением руки начал уверенно вести их сцепленные ладони вниз, к лёгкой и безоговорочной победе. Илья с глухим стуком коснулся тыльной стороной ладони стола. Он проиграл. Прекрасно понимал, что такой исход был достаточ-

но очевиден, поэтому как такового расстройства или обиды он не испытал. Друзья лишь крепко, по-мужски пожали друг другу руки, признавая силу друг друга.

— Как думаешь, могу я сейчас поговорить с мистером Скальпом? — нерешительно поинтересовался Илья, так и не заглушив двигатель машины.

Артём на секунду задумался, вспоминая мрачное лицо наставника перед своим уходом, и покачал головой:

— Ты знаешь, наверное, именно сейчас лезть к нему точно не стоит. Понимаешь, у них только что был тяжёлый разговор с полковником, и сейчас мистер Скальп полностью погружен в работу. Его лучше лишний раз не тревожить. Когда я покидал его кабинет, у него на столе было разложено много старых архивных документов и личных дел. Не знаю, что именно он там ищет, но он определенно не сидит сложа руки, вычисляя какую-то новую угрозу. Может, в другой раз обсудите твою зарплату? Тебе же не к спеху?

— Да, конечно, Артём, можно и в другой раз.

— Да что он вообще себе позволяет, этот Сорокин?! Бизнес Алексей Костюшкин, невысокий и полноватый человек, которому чуть больше сорока лет. Он раздраженно всплеснул руками и зашагал по кабинету.

— Он что, всерьёз решил устроить у нас в городе тотальную чистку? Мы же его, чёрт возьми, ко всем чертям крышуем уже столько лет! Получается, всё это время мы его тща-

тельно отмывали, обеляли перед общественностью, создавали ему образ святого. А теперь, стоило только появиться первым смутным подозрениям, он сразу же за нас взялся? Видите ли, мы показались ему недостаточно лояльными!

Костюшкин остановился и резко развернулся к своему собеседнику, а тот спокойно рассевшись на удобном диване рядом внимательно следил за каждым словом директора.

— А ведь заметьте, крышу у него окончательно снесло именно после того теракта. И эта наша скандальная статья — лишь закономерное дополнение к общему хаосу. Да, мы выпустили этот материал в печать, а что нам оставалось делать? Наш человек, опытный редактор, лично прошёлся по тексту глазами, оценил масштаб, утвердил и посчитал абсолютно нужным опубликовать его как можно скорее.

— Как зовут этого редактора?

— Сашка Коваль. Человек образованный, умнейший. Таких талантов попробуй сыщи.

— Так это он, получается, и написал эту скандальную статью, раз из себя такого шибко умного строит? — с явным недоверием в голосе спросил мужчина в упор глядя на собеседника. — Решил поиграть в независимого расследователя и слить Харитонову?

— Да нет же, нет! — торопливо, активно маша руками, принялся оправдываться директор, пытаясь сбить волну подозрений. — Он тут вообще совершенно ни при чём, уверяю вас.

— Кто прислал статью?

— Какой-то аноним просто прислал рукопись на официальную рабочую почту, и нашему сотруднику она чертовски понравилась. А потом он передал нашему главному редактору Ковалю. В этом тексте с первых строк чувствовалась своеобразный, глубокий материал, автор явно знал, о чём пишет. И кто вообще сказал, что мы обязаны от и до следовать только лишь правильной, одобренной сверху методичке? Уж извините, но мы — независимая пресса! Мы сделали это целенаправленно, ради правды. Да, позже, под диким давлением сверху, статью пришлось официально удалить со всех ресурсов. Но интернет, как известно, помнит абсолютно всё. Куча мгновенных перепостов и копипаста уже сделали своё дело, новость разлетелась. Так что наши руки в данном случае абсолютно чисты.

Собеседник Костюшкина лишь хмуро скрестил руки на груди, его взгляд оставался холодным и пронизывающим:

— Вы сейчас очень красиво говорите, Костюшкин. Но вы ведь понимаете, что со всеми вашими лозунгами о свободе слова вы и вся ваша редакция можете легко пойти под суд как прямые соучастники этой масштабной информационной диверсии?

— С какой это стати?! — искренне возмутился Костюшкин, повысив голос. — С чего бы это вдруг мы стали диверсантами? Я вам ещё раз русским языком повторяю: мы ни в чём, абсолютно ни в чём не виноваты! Это громкая, резо-

нансная история, которая прямо сейчас требует самого детального, публичного разбора. Анонимный автор действительно знатно постарался, собирая факты, и, знаете что, я с его выводами в тексте частично даже согласен. Я ведь тоже далеко не первый год успешно управляю этой редакцией и пусть немного, но всё же прекрасно понимаю, какие люди крутятся на самой верхушке в нашем городе. Тот же Харитонов в своё время тоже активно ко мне подбирался, пытался подмять под себя, прощупывал почву. Но мы с парнями вовремя выставили зубы и просто не дали ему этого сделать. Мы отстаивали свою автономию.

— Мы? — собеседник подозрительно прищурился, фиксируя каждое слово. — Позвольте уточнить, кто именно эти «мы»? Ваш высокопоставленный тайный покровитель Молотов? Это он дал вам отмашку?

— Да причём здесь вообще Молотов?! — Алексей раздражённо отмахнулся, едва не смахнув со стола документы. — Конечно же, нет! Что за глупые домыслы. Мы работаем абсолютно сами по себе, без чьей-либо указки или финансовой подпитки со стороны чиновников.

— Но тогда объясните мне один странный парадокс, почему в вашей независимой статье произошёл такой тотальный, жестокий разнос Харитонова, но при этом практически полностью отсутствовала хоть какая-то критика в адрес его воюющей стороны? Вы их намеренно вывели из-под удара?

Костюшкин на секунду запнулся, но тут же вернул себе

уверенный и слегка наглый вид, демонстративно пожав плечами:

— Мне-то откуда знать такие тонкости? Я что, по-вашему, в их личные дела и скрытые разборки влезаю? Что прислали, то мы и напечатали, вопросов автору не задавали. Наше дело — давать людям пищу для размышлений, а не копаться в чужом грязном белье.

— Что конкретно вы знаете про так называемый «Синдикат Харитонов»? — незнакомец спросил это тихо, но его голос прозвучал в замкнутом пространстве кабинета подобно щелчку взведенного курка.

Костюшкин на секунду замер, а затем на его лице появилась горькая, полная иронии усмешка. Он медленно опустился на стул, картинно покачав головой.

— Ну, надо же, сразу пошли с козырей, — протянул директор газетного издательства, пытаясь сохранить остатки былой спеси. — Да, они, конечно, ребята серьёзные, спорить не стану. Но зачем мне сейчас выкладывать вам всё то, что я о них думаю на самом деле? Безусловно, слухи о них до меня доходят уже очень давно. Но вы заметьте один интересный факт: ни одна другая пресса нашего огромного города о них почему-то вообще не пишет. Мёртвая тишина во всех крупных СМИ. С чего бы это, а? Все трусливо молчат. А мы взяли, проявили смелость и написали правду. И что в итоге? К нам в дверь сразу же громко постучались. Если всё то, что было изложено в той статье — чистая правда, значит, у на-

шего города начались по-настоящему большие, смертельные проблемы.

Собеседник Костюшкина даже не шелохнулся. Он продолжал сверлить директора своим тяжёлым, немигающим взглядом.

— Значит, вы всё-таки лично встречались с людьми из этого синдиката? — прямо в лоб спросил он.

— Думаю, что да, — уклончиво ответил Алексей Костюшкин, нервно забарабанил пальцами по шпону пластикового стола. — Но говорить наверняка и называть конкретные имена я сейчас не смогу. Вы ведь прекрасно понимаете, что такое криминальное закулисы нашего города. Оно устроено слишком сложно. Ты никогда точно не знаешь, что оно скрывает под своим очередным слоем лжи. Да что там говорить... Я ведь прямо сейчас даже не знаю, что творится лично у вас в голове. Может быть, вы сами — харитоновский человек? А этот допрос устроили лишь для того, чтобы досконально выведать у меня всю правду о внезапном появлении этой злополучной статьи? Мне вообще перестанет быть интересен этот разговор и я потребую вас уйти. Ведь вас я даже не знаю.

На лице человека, сидящего напротив Костюшкина, внезапно проступила хищная, пугающая улыбка.

— Какие вы всё-таки, репортёры, интересные люди, — негромко произнёс он. — Профессиональная чуйка у вас и правда работает отменно. Что ж, не вижу смысла дальше разыгрывать эту комедию. Да, я не скрываю: я человек Син-

диката. И у нашей организации, Костюшкин, есть безграничные возможности абсолютно на всё в этом городе.

Его слова звучали кристально уверенно, громко и властно. Он буквально впился глазами в побледневшее лицо директора крупной газетно-прессовой компании, наслаждаясь произведенным эффектом. Атмосфера в кабинете мгновенно сгустилась, превращая обычный разговор во что то более весомое.

— И... и что мне теперь делать с этой вашей информацией? — хрипло поинтересовался Костюшкин, чувствуя, как у него пересохло в горле. Вся его напускная смелость независимого журналиста испарилась в один миг.

— Дать нам больше ключей к пониманию того, кто именно является истинным автором этой статьи, — жёстко отрезал человек Синдиката. — Разумеется, если вы не хотите в самое ближайшее время сгнить за решёткой по какому-нибудь сфабрикованному делу. Поймите меня правильно, у нас есть рычаги влияния на любые судебные структуры. А ещё... вы не поверите, но ваша жизнь может прерваться самым случайным и трагическим образом. Несчастный случай, внезапный инфаркт — вариантов масса. И никто, абсолютно никто в этом городе об этом никогда не узнает. Пресса просто замолчит. Замолчит навсегда, и твоя любимая газета в том числе.

Человек напротив тихо, зловеще усмехнулся. Теперь директору было совершенно не до веселья. Костюшкин окон-

чательно примолк, его лицо осунулось и покрылось бледностью. Он сидел неподвижно и испуганно смотрел на сидевшего перед ним палача, который только что хладнокровно вынес ему приговор.

— Даю тебе, Алексей, ровно одну неделю, — мужчина поднялся со своего места, сверху вниз глядя на дрожащего редактора. — Если через семь дней ты не узнаешь имя анонимного автора... тебя ждёт гробовое молчание. Навсегда. Время пошло.

После этих слов человек неторопливо встал со своего места. Размеренным, отточенным движением он поправил строгий галстук, одёрнул полы дорогого пиджака и бросил беглый взгляд на наручные часы, сверяя время. Не говоря больше ни слова, он хладнокровно повернулся спиной к редактору и направился прямо к выходу.

— Но ведь я и вправду не знаю, кто это был! — с нарастающим испугом вдогонку уходящему, чуть ли не крича от отчаяния, произнёс директор.

Человек остановился у самой двери, но даже не удосужился обернуться.

— Меня это совершенно не волнует Алексей, — донёсся его равнодушный голос. — Ты сам выпустил этого Кракена на свободу, теперь пришло время платить по счетам. Сам должен понимать: когда идёшь напролом против действующего мэра и лично Харитоновы, жизнь в этом городе медом показаться точно не сможет. Ты же далеко не глупый чело-

век, зачем тебе вообще нужны были эти проблемы? У тебя ведь было полно времени, чтобы всё хорошенько обдумать, куда ты так спешил? Но нет, сразу после теракта вы там в редакции решили погнаться за дешёвыми рейтингами и хайпом. Теперь расхлебывай свою же собственноручно заваренную кашу.

Человек уверенным движением открыл дверь и вышел в длинный коридор, с глухим стуком захлопнув за собой створку и оставив бледного директора в полном одиночестве наедине с его невесёлыми раздумьями.

Полковник резко нажал на кнопку селектора и, едва сдерживая клокочущую внутри ярость, рывкнул в микрофон:

— Быстро найди мне Александра Михайловича. К нему скопилось несколько очень неприятных вопросов. Выполняй и не заставляй меня ждать!

Адъютант за дверью что-то испуганно пролепетал в ответ и бросился выполнять поручение. Полковник остался один в тишине своего кабинета, тяжело дыша и массируя пальцами виски. Впрочем, мерить шагами ковёр в одиночестве ему долго не пришлось. Александр Михайлович, имевший звание майора, пришёл практически мгновенно — судя по всему, у него давно работала звериная чуйка, и он затылком почувствовал густой запах жареного.

— Ну, заходи, садись, Александр, — ледяным тоном про-

изнёс полковник и коротким, властным жестом руки указал майору на стул напротив своего стола. Он дождался, пока подчинённый сядет, и в упор посмотрел на него: — А теперь выкладывай всё, абсолютно всё, что тебе известно по поводу промзоны. И желательно — в самых мельчайших деталях и подробностях. Без твоих привычных недомолвок.

Майор внутренне подобрался. По изменившемуся лицу начальника он сразу понял, что полковник каким-то образом догадался о тщательно скрываемой тайне — о массовых смертях, обугленных трупах и творящейся там чертовщине. Однако Александр Михайлович решил прощупать почву и осторожно начал издалека — с официальной версии пропажи следователя Рыкова и группы спецназа:

— Там, товарищ полковник, крайне странные дела творятся, — вкрадчиво начал майор, стараясь, чтобы его голос звучал профессионально и спокойно. — Мы силами нескольких подразделений тщательно прочесывали весь тот сектор, где в последний раз фиксировались сигналы пропавших людей. В той глуши стоит этот странный заброшенный бар, о котором в последнее время что-то слишком часто стали вспоминать в оперативных сводках. Более того, неподалёку от него был обнаружен труп молодого человека с явными признаками насильственной смерти. Мы, разумеется, сразу попытались связаться с официальным хозяином заведения, но он на контакт не идёт, звонки не принимает. На данный момент этот бар полностью закрыт для посетителей,

наши сотрудники его официально опечатали. А так... мы продолжаем плановые поиски пропавших людей, прорабатываем все версии.

Майор резко замолчал и остановил свою речь, оценивающе и выжидающе глядя на полковника, пытаясь угадать степень его осведомлённости.

— Ты знаешь, Александр... мне очень, очень сильно не нравится, что ты прямо сейчас продолжаешь нагло скрывать от меня важнейшую оперативную информацию, — полковник подался вперёд, и его глаза опасно сузились. — Я ещё раз, по-хорошему, даю тебе последнюю возможность дорассказать, что же на самом деле происходит в том проклятом секторе города, где находится этот бар. Не зли меня.

Майор заметно замялся, поджал губы и окончательно понял: крутиться бесполезно, полковник знает абсолютно всё. Вытерев вспотевшие ладони о брюки, он попытался включить дружеский, оправдывающийся тон:

— Да понимаете, товарищ полковник... мы просто чисто физически не могли сразу обрушить на вас эту дикую новость. У вас в последнее время и без того забот выше крыши, министерство дёргает, проверки эти. Я, видит бог, искренне хотел всё вам рассказать лично, но чуть позже, когда обстановка бы немного стабилизировалась. Понимаете?

— Нет, не понимаю! — полковник не выдержал, вскочил со своего кресла и грохнул кулаком по столу так, что подпрыгнул чернильный прибор. Чуть ли не срываясь на крик,

он яростно проговорил: — Ты под суд у меня пойдёшь, подонок! Чтобы за моей собственной спиной мои же офицеры играли в свои грязные подковёрные игры?! Я тебе что, маленький ребёнок, которого нужно бережно ограждать от негативных эмоций и плохих новостей?! Это моя прямая работа — каждый день встречаться с дерьмом! И да, прямо сейчас в этом кабинете, напротив меня, тоже сидит один очень сильно пахнущий персонаж...

— Ну зачем же вы так грубо, товарищ полковник? — майор попытался вставить слово, на его лице мелькнула обида. — Я правда из лучших побуждений не хотел вас лишний раз беспокоить...

Но начальник управления не дал ему договорить, перебив на полуслове:

— Что значит — не беспокоить?! Столько сгоревших заживо людей в промзоне, гора обугленных трупов, а ты решил меня «не беспокоить по пустякам»?! Да ты в своём уме, майор?! Сволочь ты, Александр, самая настоящая тыловая сволочь! Значит так: прямо сейчас садишься за этот стол, берёшь бумагу и пишешь рапорт об увольнении по собственному желанию. И чтоб документ был готов немедленно, в эту же секунду! А теперь вали отсюда с глаз моих! Пошёл вон!

Майор, вместо того чтобы испуганно выбежать из кабинета, вдруг медленно поднялся. Вся его напускная покорность мгновенно исчезла. Он озлобленно, с лютой ненавистью посмотрел прямо в глаза полковнику, и на его губах появилась

зловещая, дерзкая усмешка.

— Вы не можете просто так взять и уволить меня с этой должности, полковник, — тихо, но с леденящей уверенностью произнёс Александр Михайлович. — Я слишком много лет своей жизни посвятил этой карьере, слишком много сил отдал продвижению по службе, чтобы из-за одного вашего минутного каприза за одно мгновение всё потерять. Ну уж нет, такой фокус у вас не пройдёт. Я остаюсь на своём месте. А вот если вы решите пойти против меня и продолжите настаивать на рапорте... что ж, тогда я настоятельно предлагаю вам лично встретиться и побеседовать с Синдикатом Харитонова.

Вспыльчивый полковник, готовый минуту назад разорвать подчинённого на куски, после этих слов мгновенно замолчал и внешне успокоился. Вся его ярость испарилась, сменившись ледяным оцепенением. Его взгляд стал предельно напряжённым, а на лбу прорезалась глубокая складка. Он слишком хорошо помнил недавнюю скандальную статью в независимой прессе и прекрасно знал, какую чудовищную силу представляет собой эта теневая структура.

— Что... что ты сейчас сказал? — переспросил полковник изменившимся, упавшим голосом.

— То и сказал, — отчеканил майор, наслаждаясь своей внезапной победой. — Я уже достаточно давно нахожусь под прямой и очень надёжной протекцией Синдиката Харитонова. И поверьте мне на слово, товарищ полковник: если вы

сейчас решите пойти против меня или попробуете дать ход этому делу, у вас лично и у всей вашей семьи начнутся ну очень большие, непреодолимые проблемы. Так что давайте жить дружно.

— Значит, та скандальная статья в интернете — это всё-таки чистая правда? — тихо, свинцовым голосом спросил полковник.

Он медленно опустил обратно в своё кресло, не сводя с майора тяжёлого, пронизывающего взгляда. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем настенных часов.

— Думаю, что в ней изложено очень много правды, товарищ полковник, — нагло и вальяжно ответил Александр Михайлович. Он поправил рукава форменного кителя и самодовольно ухмыльнулся. — Но, сами понимаете, проверить и доказать это официально практически тяжело, да и некому. Мы ведь, если говорить цинично и по сути, все давно работаем на них. Зачем нам добровольно рубить сук, на котором мы так уютно и сытно сидим? Именно поэтому после внезапного появления этой статьи абсолютное большинство оперативников, оперов и следователей в нашем управлении просто делают вид, что вообще ничего не произошло. У всех внезапно случилась слепота. Поэтому, полковник, мой вам добрый совет: продолжайте спокойно быть нашим уважаемым командиром, сидите в своём кресле, получайте награды. Я лично абсолютно не против вашего руководства. Толь-

ко... не мешайте нам заниматься делами и не лезьте куда не просят. Хорошо?

Майор, продолжая мерзко улыбаться, в упор смотрел на помрачневшего начальника. Он всем своим существом чувствовал триумф, будучи на сто процентов уверенным, что зажал полковника в угол и у того просто нет иного выхода, кроме как подчиниться воле всесильного Синдиката.

Полковник долго молчал. Его лицо казалось каменной маской, на которой не отражалось ни единой эмоции. Затем он глубоко, спокойно вздохнул и расправил широкие плечи.

— Ладно... — негромко, с какой-то отрешённой усталостью произнёс он. — Пожил я на этом свете уже немало, больше пятидесяти лет. Посмотрел на всё это дерьмо, и, пожалуй, с меня хватит. Бояться мне уже нечего.

Не успел майор осознать смысл этих слов, как полковник вновь решительно наклонился к селектору на краю стола, с силой нажал на кнопку и жёстко отчеканил в микрофон:

— Дежурный! Конвой сюда, в мой кабинет. Немедленно! Спецсредства применить при необходимости. Выполнять!

Александр Михайлович мгновенно перестал улыбаться. Его самодовольная мимика сползла с лица, сменившись маской недоумения и подступающего страха. Он понял, что его тщательно выверенная психологическая манипуляция с треском провалилась. Оказывается, не всех в этом городе можно было запугать именем Харитонов.

— Понимаешь, чмо... — полковник подался вперёд, и его

глаза вспыхнули яростным, беспощадным огнём. — Я человек старой, советской ещё закалки. И всю свою жизнь я работаю исключительно по совести и по присяге, которую давал этой стране, а не бандитам. И если мне суждено в итоге умереть от рук таких мразей, как ты и твои хозяева, то так тому и быть. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Но ты, гнида, сядешь прямо сейчас, в эту самую секунду, и это моё личное, законное распоряжение!

Полковник встал во весь рост, буквально возвышаясь над съёжившимся майором, и добавил:

— И знаешь, что во всём этом самое интересное и ироничное? Мы тебя посадим тихо, без лишнего шума и абсолютно без всякой судебной огласки. Вы же там, в промзоне, так легко и технично укрыли массовые смерти стольких невинных людей, верно? Так чего нам теперь стоит точно так же, без следа, посадить тебя самого? Запрём в глухой одиночке, и никто, ни одна живая душа в этом городе никогда не узнает, куда ты делся.

— Вы... вы так не можете! Это же произвол! Это абсолютно незаконно! — уже с явным, неподдельным ужасом в голосе, срываясь на фальцет, проговорил бледный как полотно майор. Его лощёный вид испарился, он испуганно вжался в стул.

— А чего это ты вдруг так запел, а, Александр? Как мы заговорили про законность! — полковник презрительно сплюнул на пол. — Нет здесь прямо сейчас твоего хвалёного Син-

диката. В этих четырёх стенах команду я. И спасти твою шкуру прямо сейчас никто не сможет.

В этот самый момент тяжёлая дверь кабинета распахнулась, и в помещение быстро вошли два рослых офицера, держа руки на кобурах и готовые выполнить любой приказ.

— Задержите этого человека и немедленно отправьте его в спецблок «Мост Надежд», — ледяным, не терпящим возражений тоном скомандовал полковник, указывая пальцем на бледного майора. — И запомните моё личное, строжайшее поручение. На протяжении всей дороги, до самого прибытия в изолятор, не давайте ему вступить в контакт вообще ни с кем. Лишите его любой возможности сделать хоть один звонок или передать записку. Он мне здесь в этом кабинете уже наговорил и угрожал на полноценную статью уголовного кодекса, вот её он с огромной радостью и получит. Через пару дней я лично свяжусь с вашим руководством и тогда дам знать, что нам дальше делать с этим дерьмом. А пока — изолировать от внешнего мира. Выполняйте.

Александр Михайлович, заметно поёжившись под суровыми взглядами зашедших конвоиров, лишь исподлобья, с бессильной лютой злобой посмотрел на своего начальника. Однако оказывать физическое сопротивление двум крепким офицерам он не стал — понимал, что в данных обстоятельствах это лишь усугубит его положение. Спустя десять минут он уже ехал на заднем сиденье тонированной полицейской машины под бдительным и глухим конвоем, полностью от-

резанный от какой-либо мобильной связи со своим всемогущим Синдикатом Харитонов. Как только дверь за арестованным майором захлопнулась, полковник тяжело опустился в кресло и немедленно отдал дежурной части приказ связаться с капитаном Максимом Власовым, чтобы оперативно выяснить, где тот сейчас находится. Однако ответ, полученный от диспетчера, оказался более чем неоднозначным. Выяснилось, что Власов буквально пару часов назад сообщил в дежурку, что внезапно сильно приболел, у него поднялась температура, и он решил срочно взять официальный больничный.

Полковник, у которого после визита в промзону и ареста майора развилась мощнейшая паранойя, не стал долго думать. По его личному распоряжению оперативный отряд полиции немедленно выехал по адресу фактического проживания капитана. Но после долгого, оглушительного барабана в тяжёлую железную дверь группа захвата так и не смогла докричаться до «больного» Максима. Внутри квартиры стояла гробовая тишина. Поняв, что медлить нельзя, оперативники по приказу руководства и вовсе провели принудительный взлом замков.

Ворвавшись в квартиру с оружием наготове, бойцы тщательно прочесали каждую комнату, но не нашли абсолютно никаких подозрительных вещей или следов борьбы. На первый взгляд, всё было в идеальном порядке: чистая посуда, заправленная кровать, в воздухе лишь витал лёгкий, засто-

яввшийся запах дешёвого алкоголя и застарелого сигаретного дыма. Никаких собранных чемоданов или разбросанных вещей — абсолютно ничего подозрительного, кроме полного отсутствия самого капитана Власова. На звонки в дверь он просто физически не мог ответить, потому что его там не было. Узнав о результатах этого экстренного обыска, полковник, оставшись один в тишине кабинета, уже на полном серьёзе и со всей глубиной обдумывал слова того старого бармена из промзоны. Пазл в его голове начинал стремительно складываться в одну страшную картину. Ведь реального, подтвержденного алиби у обвиняемого Власова на момент поджога ангаров не было. Дома, где он якобы лежал с высокой температурой, его тоже не оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.